

Ариман: Вечный / Ahriman: Eternal (роман)

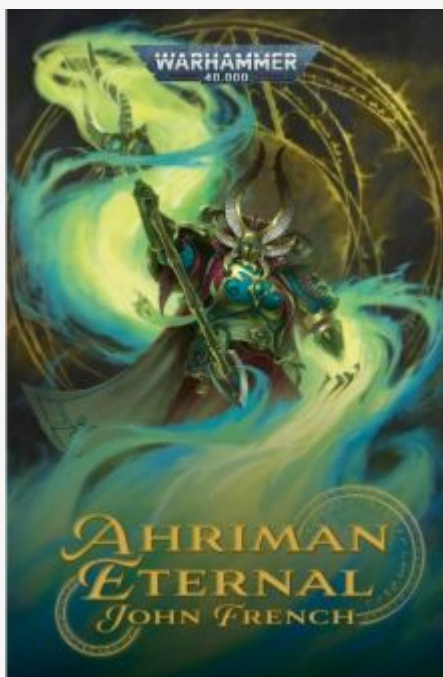

Перевод в процессе: 7/20

Перевод произведения не окончен. В данный момент переведены 7 частей из 20.

Ариман: Вечный / Ahriman: Eternal (роман)

Автор	Джон Френч / John French
Переводчик	Летающий Свин
Издательство	Black Library
Серия книг	Ариман / Ahriman
Предыдущая книга	Монета для Воров Падали / A Coin for the Carrion Thieves
Следующая книга	Демонология: Вопрос, заданный тьме / Daemonologie: A Question Asked of Darkness
Год издания	2022
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат

На Тысячу Сынов обрушился рок. Сквозь пространство и время их преследует недуг огня и праха, порождённый заклятьем Рубрики, что спасло легион от гибели, но обрекло на вечное проклятье. Один за другим духи рубрикантов исчезают из узилищ своих доспехов, и, один за другим, их место занимают обречённые живые колдуны.

Ведомый страстным желанием спасти легион и искупить давнишнюю вину, Азек Ариман пытается заполучить технологию позабытых некронов, способную менять само время, чтобы исправить ошибки прошлого. По пятам за ним следуют таинственные арлекины альдари, а в рядах последователей множатся секреты и зреют расколы, однако архиколдун твёрдо намерен отыскать новый путь к спасению, и успеть до того, как всё обратится в прах.

«Дабы уничтожить душу, богам нужно лишь дать ей вкусить мёд победы. Тот золотой нектар исполняет чаяния и утоляет желания, однако сладость его мимолётна, а страдание — вечно».

Из Андоликских свитков, около М2,

Обнаружено имперской консерваторией в 994.М30,

Запрещено указом Инквизиции в 781.М31

Содержание

ПРОЛОГ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

ГЛАВА II

ГЛАВА III

ГЛАВА IV

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА V

ГЛАВА VI

ПРОЛОГ

ПАДАЮЩАЯ ЛУНА

Драйллита, Госпожа Мимов, а ныне Чадо Старухи, ковыляла вверх по склону под сполохами расцветающих в сумерках взрывов. Она двигалась дёргано — вышагивала, пошатывалась, крутилась, голова запрокидывалась к ночному небу в агонии. Её заметил человеческий воин. Он был одним из

варваров-исполинов, закованных в красное умирающих светил и старой крови. Он был смертью, явившейся закончить её терзания. Воин выругался и вскинул тупоносое оружие, чей широкий зёв наполнился тёмным обещанием избавления в тишине, которую вот-вот оборвёт его глас. Драйллита пошатнулась вновь, упала, цепляясь за серый пепел, не в силах идти дальше, сломленная мучениями, загубленная предательством...

Выстрел прошёл у неё над самой головой.

Взрыв в грязи склона.

Никакого избавления, даже сейчас. Чадо Старухи должна страдать. Она поднялась. По щекам катились большие ярко-звёздные слезы. Изо рта рвался бесконечный вопль. Почему она должна жить, когда все её братья и сёстры мертвы?

Красный варвар выстрелил ещё раз. Корчи скорби швырнули её прочь от снарядов. Взрывы разметали серо с белым лохмотья савана. И вот она обернулась, ибо Чадо Старухи осознала, что мира забвения ей не видать. Ей судилось идти и идти, скитаться меж миров и светил, бесконечно страдая, потерянное дитя, глашатай неотвратимых горестей.

Красный варвар, ниспосланный милостивой смертью, стрелял без передышки. Ни одна пуля так и не коснулась Драйллита. Она оказалась подле воина. Его глаза походили на грубо огранённые изумруды на личине из острых краёв. Она взвыла от грусти, нежным движением пробив красные латы, плоть и кость. Легчайшим прикосновением взяла бьющееся сердце. Отвела руку назад, с органа в её ладони скапывала кровь. Варвар, не сумевший подарить ей смерть, прожил несколько дольше, второе его сердце продолжало колотиться, когда он свалился на колени, призывая слабнущие члены подняться вновь — и каким-то чудом у него получилось, красный доспех содрогнулся, оружие взлетело вверх, а Чадо Старухи не шевелилась, ибо, может, сейчас наступит конец затянувшейся издёвке, коей было её существование? Сердце темнело у неё в руке. Капли крови падали на серую землю алыми слезами. Изумрудные очи неотрывно смотрели на неё. Она протянула ему сердце, моля об избавлении...

Каскад света и смеха, вихрь движения, резкого и серебристого — Трижды Глупец приземлился между красным варваром и Чадом Старухи. Он дёргался, извиваясь от веселья, иль боли, иль умиротворения. Его мечи раскроили варвара от горжета до паха. Кровь хлынула широким мазком, расходящимся по серой земле.

На вершину склона выбрался ещё один варвар. Быстрый и скорый на ярость. Чадо Старухи подумала, что это, возможно, очередная шутка смерти, и конец всё-таки настигнет её здесь. Затем второй варвар упал, точь-в-точь как первый. Его голову рассекла бритвенная полоса, протянувшаяся от одного виска к другому.

Трижды Глупец упал на красного варвара и крутанулся. Он стал золотым глумом и багряной резнёй. Он извернулся к Драйллите, серебрящимся взмахом меча указав Чаду Старухи следовать за ним.

Она отпрянула, затем поднялась на цыпочки, укрытая лохмотьями печали и варварской кровью. Она могла бы пойти с Трижды Глупцом, могла бы плясать и смеяться и подобно дитю, коим была. Могла бы взять Трижды Глупца за руку и обратиться в золото и багрянец, в Дочь Зари, кружащую в бесконечной яркости... Она потянулась к ожидающей руке.

Их разлучил огонь, разорвав воздух, взметнув ввысь густой пепел. Появились братья мёртвых варваров, мчащиеся с вершины гряды, ревущие, палящие из оружия. Чадо Старухи попятилась назад; повернув

голову, она увидела, как Трижды Глупец удирает, оставляя за собой цепочку взрывов и насмешливый хохот. Драйллита поднялась, воздевая к небесам руки от несправедливости того, что её лишили веселья. Она воззвала к духам потерянных и устремилась в шквал выстрелов. И покойные ответили на зов. Они явились призрачными ликами тех, кого Чадо Старухи знала в своей скорбной жизни: Царица Звёздного Света, Багряная Муза, Сломленный Ясновидец, целый хор злобных мертвецов. Духи пришли, вопя в тишине, сотканные из белого и красного, подобное буре, вырвавшейся из недр подземного царства.

Варвары были стремительными, а ещё сильными, но теперь их не спасёт ни скорость, ни мощь. Мгновение Драйллита просто наблюдала, а затем, каждым своим движением источая кручину, она пошатнулась и упала, и поднялась снова, и взяла в руки ещё несколько сердец. Чадо Старухи сожалела, что вынуждена так поступать, что вместо того, чтобы смеяться рассвету, она визжала в мстительной резне. Но иначе она не могла. Она должна была идти дальше, ступая по пеплу, танцуя со смертью, которая всё никак не приходила. Её роль — страдать за ошибки, допущенные не ею, и в отместку отнимать жизни ещё не умерших.

Она взглянула на обагрённую руку. С неё скапывала кровь. Меж падающих капель взвихрялся голодным и россыпи алмазов. Вокруг неё кружились духи мщения, их маски — гримасы боли. Они воздели клинки, и их очертания померкли, слившись с мглой. Чадо Старухи подняла красную руку к небу, после чего кулём упала на землю, едва сумерки украли солнце...

Драйллита встала. Одевание Чада Старухи, её ролевой наряд, рассеялось, убранный голокостюмом-*дате́ди*. Саван и рваньё распались пылинками голосвета, а затем обратились в ничто. Чадо Старухи исчезла, покинув её мысли. Рвущийся из-под маски крик иссяк. Застывшие чёрты стали пустыми и белыми, подобно холсту, ждущему кисти художника.

Остальные мимы труппы уже отворачивались, точно так же освобождаясь от своих ролей. В их движениях сквозила тщета, эхом повторяющая её собственную. Она видела перед собой Шутов Смерти, облачённых в белое, порхающих среди мертвецов, словно вороны-альбиносы. Вся их жизнь была танцем, циклом историй и ролей, однако часть, наполненная ожиданием, неизменно оставалась безликой. Именно здесь они сейчас и находились — в промежутке между окончанием одного повествования и началом следующего. Она взглянула на кровь на своих руках. Та уже начала сворачиваться. От неё разило генопороком так называемых космодесантников. Драйллита смахнула вязкие алые нити в пепел. Их, впрочем, было на ней гораздо больше. Она вскружилась в дикой пляске, стряхивая с себя остатки кровавых сгустков.

Когда она приземлилась обратно, Ийшак уже ждал её. Он тоже сбросил с себя мантию Трижды Глупца. Его наряд лишился золота и багрянца. Злорадствующий лик сменился оскалом черепа. От каждого движения Ийшака ромбовидный узор на его плаще переливался тусклой синевой и едва различимыми оттенками черноты. Для этой интерлюдии между циклами он выбрал архетип убывающей луны. Вполне подходящий его творческой натуре.

~Мы уходим,~ показала она. Драйллита была Госпожой Мимов, а потому не разговаривала и не издавала звуков, вместо этого общаясь посредством системы жестов, известной как *ламбруит*. Каждая деталь позы, сокращение мышцы и движение таило в себе определённое значение, так что даже не проронив ни слова она могла передать полутона и смыслы лучше, нежели с помощью самого сложного языка. У этой жестовой речи не существовало твёрдых правил и словаря: то был код спонтанностей, искусство, не выражавшееся одним и тем же образом дважды. Она протянула Ийшаку руку. Тот принял её, и они отправились в дорогу. Вокруг них горели огни разыгранной ими трагедии, взвываясь среди

пепельных барханов и раскиданных человеческих трупов.

Они пересекали гряды, когда Драйллита ощутила, как напряглась ладонь Ийшака. Он замер, приняв позу застывшего посреди представления актёра. Мгновением позже Госпожа Мимов увидела причину. У них на пути стояла фигура. В багрянце. За ней волочились алые и карминные ромбы, а тень вздымалась вверх и в стороны, в дым, подобно крыльям. Лицо же скрывалось за гладким серебром.

Драйллита дёрнулась от неожиданности и остановилась. Вместе, она с Ийшаком воспроизвела сценку, где героя Ультанеша и убийцу песен Шелве-ток на Солнечной тропе застигает врасплох Кхаин. Следом за ними на гребень взошли остальные члены маскарада, заметили фигуру и позы Ийшака с Драйллитой, и плавно обступили их полумесяцем. Они закачались, уподобляясь Лесу скорбей, их пальцы-ветки задрожали на гонящем дым ветру, маски приняли выражения печали и грусти.

Драйллите стало не по себе. Ничего подобного в цикле, который она знала, не было. Они только-только закончили финальный акт представления «Красные слёзы Чада и Глупца». Теперь, после его завершения, им предстояло уйти, после чего разыграть небольшую трагикомедию, взяв на себя роли рассеянных отпрысков Иши, бегущих от войн богов. И всё же перед ними стоял Ирлла, тенеvideц, загораживая им проход. Ему не следовало здесь находиться. В заключительном акте у судьбы не было роли, а потому Ирлла не должен был выходить на подмостки битвы. Ему не следовало быть тут...

Но вот он здесь.

Тенеvideц приблизился, поступь его была неспешной, чёрная с красным тень становилась больше и шире. Наконец, он встал перед маскарадом и замер в неподвижности, ожидая. В такой момент, когда судьба приходила в обличье Красного Гостя, ей следовало дожидаться, когда к ней обратятся.

~Зачем ты здесь?~ спросила, наконец, Драйллита.

— Я явился с предупреждением, — отвечивал Ирлла.

— Что за зло ты узрел? — задал вопрос Ийшак.

— Возникают новые сны, пробуждая тех, кто долго спал. — Тенеvideц воздел руку. Она выглядела как конечность трупа, вся ссохшаяся и сморщившаяся, отчего напоминала скорее коготь. Под ногтями темнела запёкшаяся кровь. От неё поднялся огонь, облизывая дым, и в воздухе вокруг Ирллы заплясали тени. Драйллита различила воителей в рогатых и гребенчатых доспехах. Он протянул длань к небу и схватил звёзды, что на краткий миг проступили сквозь клубы тумана. Затем землю подле тенеvidца устлали дремлющие фигуры, в сиянии голосвета принимавшие то чёрный, то золотой, то серебряный цвет. Спящие поднялись, и светила скрылись из виду. Осталась лишь фигура огромного, чудовищного человека с рогатыми посохом и шлемом. В глазах его горел свет украденных звёзд. Госпожа Мимов вздрогнула, и хор актёров, бормоча от боли, повторил её движение. — Такие смены актёров и сцены требуют ответа. Подобные деяния и действия не должны происходить сами по себе.

~Какой *сэдат*-цикл начинается теперь?~ спросила Драйллита.

— Их может быть несколько, — ответил тенеvideц и обернулся, смахнув дым с голосветом подобно рваному красному плащу. — «Веселье сломленного бога», с рыдающими звёздами и быстрыми финалами. «Костёр и Феникс», где всё заканчивается пёплом и двусмысленностью, и всякий, кто исполняет его акты, должен сойти со сцены, не ведая, наступит ли после ночи утро... — Тем временем над Ирллой тень и свет приняли подобия силуэтов, кружащих в огне и дыму, стискивающих в руках мечи силы, сшибающихся, карабкающихся друг на друга в попытке коснутся полумесяца, что походил на

лезвие косы. Затем все они упали бездыханными, канув в серую тень, а после растворились во мраке.

— Но есть ещё один, — возвестил Ийшак, отпустив руку Драйллита и начав кружить, его наряд и лицо менялись с каждым сделанным шагом. — Молви о сэдате, который, по-твоему, нам следует начать.

— «Падающая луна», — сказал тенеvideц, и окружавший их хор отозвался протяжным горестным стоном. Драйллита склонила голову.

~Много смертных эпох прошло с тех пор, как его разыгрывали в последний раз. Стоит ли начинать сейчас?~

— Может, и не стоит, — отвечивал Ирлла. — Избрав его, мы создадим историю грядущего.

~Судьба изменённая...~

— Горше конца отвращённого.

~Но какой ценой?~

— Ценой большой. Ценой радости и победы.

— Мы сыграем, — произнёс Ийшак, кружась всё быстрее, вращаясь, его облачение теперь стало пурпурно-чёрным, зачёсанные гребнем волосы — радугой, жестокою белизну маски рассекала красная ухмылка. — Итак, предстоит нам выбрать свои роли. Я, видимо, будут Шуткой Убийцы, ибо я — аватара всего, что умрёт по ошибке глупца. — Он говорил громко, его голос звенел от насмешки и злобы.

— Значит, в это горнило я вступаю как Глас Многих Окончаний, — сказал Ирлла и подскочил ввысь. Кровавая дымка и тень, висевшие в воздухе, рассыпались осколками изумрудного и красного, жёлтого и фиолетового, бирюзового и пламенного. Когда тенеvideц приземлился, его скрытая под капюшоном маска превратилась в потускневшее зеркало. Остальные члены труппы принялись плясать и крутиться, принимая новые роли для начинающегося цикла. Сзади приблизились Шуты Смерти, все наряжённые в черное, все — один в один, ибо будущее приберегало для всех равный финал.

Драйллита поднесла руки к лицу, рухнула, словно придавленная скорбью, и выпрямилась снова. Её лик стал расколотой маской, одна половина корчилась от боли, треснувшая и проливающая рубины с угольками. Вторая — кривилась от веселья, обнажая острые красные зубы, в глазу блестела злоба.

~Я — Истина Сновидца, ибо всяк должен спать, и всё должно заканчиваться.~

Подле белого с красным зареяло пепельно-серное и кроваво-красное. Госпожа Мимов развела руки и двинулась вперёд, прочь от остальных. Она должна идти первой, как предупреждение, герольд, пришедший слишком поздно к тем, кому придётся страдать.

— Какие актеры пока не ведают ролей? — услышала она Ийшака, вопрошающего высоким голосом Шутки Убийцы.

— Их много, — ответил тенеvideц. — Но первый, кто займёт своё место, — это колдун, в прошлом человек, ныне глава изгоев, сын лжекороля, предавший всех, верящий в надежду. Его имя — Ариман.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИЗГНАННЫЕ

ГЛАВА I

ВУАЛЬ ПРИЗРАКОВ

Харгорон, Первый среди Железорожденных, Сокрушитель Наковален, прислушивался к скрипу, что издавал его корабль от прикосновений призраков. По рамам иллюминаторов расплзались кристаллики льда. Во тьме за ними плыли и свивались тонкие как паутина очертания. Возникали и тут же исчезали подобия лиц. Тянулись руки, перерастая в когти, лишь чтобы померкнуть и раствориться в иссиня-зелёном тумане. Проглядывавшие сквозь мрак светила походили на окружённые нимбами яркие точки. Стоило Харгорону перевести взгляд на обзорный портал, в нём сгустилось очертание головы. Глаза его были похищенным свечением звёзд, блеклыми катарактами на лице из ошмётков кожи, обрамлявших круг игольных зубов. Харгорон осклабился в ответ.

— Отчёт с сенсоров, — произнёс он, его голос разнёсся в тишине мостике сухим скрежетом.

— Око зрит, о великий лорд... — отозвался в ответ главный раб-авгур — тощее существо с длинной, закованной в жёсткий металлический ошейник шеей под выпуклой головой. Скоплением глаз, напоминавшим сгусток лягушачьей икры, он пробежался по содержимому треснувших экранов на панели перед собой. — Ответных сигналов нет. — Из его рта потянулась вязкая нить слюны, мокрота собралась на подсохшей корке, уже густо укрывавшей наборные диски пульта.

Харгорон скривился от омерзения и отвернулся, задумчиво почёсывая подбородок когтистым пальцем. От его кожи отшелушились хлопья похожих на ржавчину струпьев. Всё начало разваливаться с тех пор, как они вошли в Саван Горгона. Ничто в Оке Ужаса не могло существовать без того, чтобы приспособиться к пограничной жизни между реальностью и варпом, однако это путешествие обошлось Харгорону и его воинам слишком дорого. Здесь свет звёзд из-за пределов Ока лился сильнее, чем адское свечение, просачивавшееся из его ядра, но притом течения варпа были мощными и пронизаны истощающим касанием энтропии. В объятиях Савана вращались обломки, разламываясь на куски под напором трущихся между собой настоящего и нереального. Системы корабля отказывали одна за другой. В металл проникала коррозия, в сигналы — шум статики, в мышцы и кости — слабость. Ему уже пришлось бросить один свой корабль в сердце Савана. Его двигатели вышли из строя, а обшивка начала вминаться внутрь корпуса, словно засохшая кожа гниющего плода на пустынном ветру. Таким образом, завершить путешествие ему придётся всего с двумя кораблями.

Впрочем, жертвы того стоили. Его трюмы ломились от награбленного с планет и дрейфующих в пучинах Савана судов: огромное множество бронетехники, оружейные системы, извлечённые из остовов мёртвых звездолётов; боеприпасы и топливо, по-прежнему пригодные несмотря на время, проведённое среди призрачных течений. А ещё подлинные сокровища, уникальные предметы, за которые он получит что угодно от военачальников и восходящих сил в Оке. Достаточно богатств и трофеев, чтобы заплатить геноворам и плоть-механикам за новорожденных воинов. Никаких бродяг-легионеров, верных лишь силе или возможности, но воинов, преданных ему и только ему одному. А тогда... Кто знает? Всё, что теперь оставалось — добраться до границы Савана. Путешествие это было опасным, и имело свою, особую цену.

Он взглянул туда, где на платформе кормчего стоял Призрак Варпа. Доспех его был бледно серым, окаймление — тускло-бронзовым со стальным отливом. Линзы шлема — блеклыми, напоминавшими катаракты. Он не двигался вот уже несколько часов. Время от времени он подавал сигнал или произносил пару слов, веля сменить курс, но по большей части просто крутил головой, как будто всматриваясь во что-то снаружи корпуса и за иллюминаторами, наблюдая за плавающими во мраке созданиями, которых сам Харгорон не видел и видеть совершенно не хотел. Его собственный корабль держался у левого борта, чуть впереди, плывя сквозь разряды молний и клубы газов.

Призрак Варпа повернул голову, и бледные глазные линзы встретились с взглядом Харгорона. Лишь приложив усилие, Железорожденный подавил инстинктивное желание вздрогнуть. Взор Призрака заскользил дальше. Харгорон сплюнул. Сгусток кислотной мокроты зашипел, проедая палубный настил. Никто не знал, из какого капитула или легиона происходило братство Призраков, ни того, благодаря каким сделкам или тайнам они обрели умение ориентироваться в насыщенных варпом пучинах Ока. Он ни разу не видел их больше горстки за раз, однако они всё равно вызывали у него беспокойство. Призраки Варпа заберут себе львиную долю добычи, но Харгорон не сомневался, что без их пилотов его корабли присоединились бы к другим обломкам, медленно дрейфующим на течениях Савана. Их услуги стоили того, чтобы за них платить, хотя это и не означало, что ему должно было нравиться находиться рядом с ними. Вокруг загадочных существ витала своеобразная аура, и казалось, будто они не просто заглядывают тебе в душу, но словно видят тебя насквозь. Подобное Харгорону было совсем не по нутру. Следуй он инстинкту, то давно бы всадил в глотку Призраку когти и велел бы кораблям расстрелять сопровождавшее их судно. Свой инстинкт он усмирил — не стоило переходить дорогу Призракам, если хотел и дальше странствовать по Оку живым.

— Полный стоп, — внезапно произнёс Призрак Варпа.

Харгорон огляделся. Экипаж мостика уже приступил к исполнению приказа. В иллюминатор он увидел, как второй его корабль и космолёт Призраков Варпа запускают маневровые двигатели и постепенно замедляются.

— Какого... — зарычал он, однако Призрак Варпа поднял руку. Харгорон стиснул кулаки, подавляя рвущийся наружу гнев. Призрак медленно повернул голову, затем ещё раз, уже быстрее, посмотрев вверх и в сторону, а потом вниз. Корабль вокруг них продолжал скрипеть.

— В течениях рядом с нами кто-то есть, — сказала существо, его голос походил на глухое карканье. — Тени... ждущие в пучинах Великого Океана, таящиеся среди глубоких течений...

— Что происходит? — рыкнул Харгорон.

Блеклый морок за бронестеклом сгущался. Его прошла вилка жёлтой молнии, на мгновение утопив картину в белизне, а затем снова, и ещё раз. Железорожденный повернулся к платформе кормчего, уже собираясь потребовать от того информацию.

Призрака Варпа там не оказалось.

— Лорд, — окликнул его главный раб-авгур. — Наши эфирные резонаторы засекали мощные локальные флуктуации.

Харгорон открыл было рот, чтобы отдать приказ всем оставаться настороже. Двое воинов из его личной гвардии двинулись вперёд.

Очередной разряд озарил морок за иллюминаторами, и во вспышке он увидел тень корабля. Военного

корабля. Прямо над ними, взявшийся из ниоткуда и вполне реальный, его крутые борта напоминали горные утёсы, боевые башни обращали контуры вершин в зазубренные клинки. Вокруг них полыхнула молния, обрвав в нимб. В пульсирующий свет.

— Щиты! — закричал Харгорон. На время путешествия через Саван Горгона корабль опустил большинство пустотных экранов. Несколько членов экипажа бросились выполнять команду, но остальные просто ошеломлённо глазели.

Впрочем, они бы и так не успели. Военный корабль выстрелил. Тонкая дымка щитов перегрузилась за секунду до того, как лопнули иллюминаторы. По мостику разлетелись осколки кристалла. Из глоток людей вырвались крики, тут же подхваченные уносящимся в пустоту воздухом. Следом за ними кубарём полетели брызжащие кровью тела. Харгорон прикрыл голову руками. Его когти укутали силовые поля, и он уже орал в шипящий от помех вокс, как вдруг в центре мостика полыхнул столб слепящего пламени.

Он ощутил в воздухе прогорклый смрад колдовства и без промедления двинулся к противозрывным дверям. Двое воинов окружили Харгорона с обеих сторон, не переставая стрелять. Сам он кричал в вокс, созывая своих последователей на бой. В пусковых ангарах находились штурмовые корабли и транспортные челноки. Он и его избранные бойцы могли сбежать. Пусть атакующие забирают корабль. Сам он возьмёт наиболее ценные трофеи с собой и выживет, дабы однажды поквитаться с обидчиками.

Харгорон достиг дверей. Двое воинов шли подле него, паля из болтеров по расширяющейся колонне света. В зареве энергии возникла рогатая тень, становясь всё отчётливей и больше, как будто шагая к ним из незримых далей. Сияющий столб исчез.

Болт-снаряды зависли в воздухе. На палубе расцвела изморозь, расплзаясь по конечностям дёргающихся членов экипажа.

Там, где прежде горел свет, стоял человек. Поверх сапфирового доспеха были накинуты багровые одеяния. Из шлема тянулись высокие изгибающиеся рога. Посох у него в руке походил на проделанный в ткани реальности разрез, на чёрную рану, источающую звёздное свечение.

Харгорон зарычал. Силовые поля на его когтях резко затрещали. Воины снова открыли огонь. Железорожденный пришёл в движение.

Колдун перевёл взгляд на него. Его глаза напоминали синие светила.

Конечности Харгорона застыли. Дульные вспышки, протянувшееся из болтеров его соратников, стали оранжево-красными бутонами. Чародей шагнул к ним. Поднял руку. Парившие в воздухе масс-реактивные снаряды развернулись и поплыли обратно, пока не остановились перед глазными линзами его воинов. Харгорон попытался сделать хоть шаг, шевельнуть языком, чтобы изречь одну из защитных фраз, которые узнал от жреца Рогатой Тьмы.

+У меня нет времени на твои пустыки,+ прозвучал голос у него в черепе. Пальцы колдуна дёрнулись. Болты пробили глазные линзы Харгороновых воинов и разнесли им затылки вместе с задними стенками шлемов. Чародей оказался прямо перед ним. +У тебя есть кое-что, чего ты не понимаешь, но весьма нужное мне.+

Харгорон почувствовал, как удерживавшая его на месте сила чуть-чуть ослабла. Он рванулся вперёд, вытянув перед собой когти. Броня на руках смялась и расслоилась. Лезвия отогнулись назад, и его конечности замерли вновь. Он смотрел, как когти выкручиваются до тех пор, пока не погрузились ему в предплечья. Из ран закапала поблёскивающая кровь, обращаясь кристалликами красного льда.

Железорожденный понял, что может двигать ртом и языком.

— Я ничего тебе не дам! — выплюнул он.

Колдун наклонил голову.

+Тебе и не нужно, + раздался тот же голос в голове Харгорона. А затем всё утонуло в рёве, и его мысли развеялись, словно подхваченная ветром пыль.

Азек Ариман посмотрел на лежащего ничком Харгорона, Первого среди Железорожденных, Сокрушителя Наковален. И вот он снова стоит над очередным поверженным представителем сломленной знати и ложных чаяний. Он прочёл его прошлое в послевкусии мыслей, вырванных из разума воина. Воина... Да, когда-то Харгорон был воином, боевым братом IV легиона, присоединившимся к нему в долгие годы войны против Императора. Он не знал ничего, кроме противостояния с Империем, что его создал, не знал времён, когда война казалась скорее актом оптимизма, нежели горечи и возмездия. Да, он служил, и выжил, и пытался цепляться за остатки благородства, которые ещё помнил. В конечном итоге варп исказил и это, превратив его жизнестойкость в раковую опухоль, что съела Харгорона-воина изнутри, оставив лишь треснувшую оболочку низменных устремлений и жестокости.

Ариман тряхнул головой, отрываясь от несвоевременных раздумий, и позволил мыслям воина упасть на сито своего чутья. Кровавые воспоминания, горькие эмоции, обрывки образов и бессердечности замелькали перед его внутренним взором до тех пор, пока он не нашёл искомое.

+Нижняя палуба тридцать четыре, передняя секция семьдесят шесть, снарядный погреб рядом с главными ангарами. Поторопитесь, + послал Ариман своим братьям, уже выбегая из руин мостика. +Я иду к вам. +

Ктесий пошатнулся, пока вокруг него меркла вспышка телепортации. Даже после жизни, выстроенной на множестве других похищенных жизнях, и состоявшей сплошь из чародейства и варповства, прибытие оставляло после себя ложный звон в ушах и кислотный привкус во рту. Часть его всё ещё думала, что он находится на «Гекатоне», а рядом с ним орут послушники, заканчивая ритуалы пересылки ударной группировки. Ликомед опомнился быстрее и уже шёл вперёд, утягивая за собой пятерых рубрикантов. Ктесий, чуть медленней, двинулся следом. Вершину его посоха обрамлял призрачный свет. Полосы пергамента, приколотые к доспеху, обугливались по мере сгорания выведенных на них чар-оберегов. Он уловил поблизости родовой смрад сторожевых демонов.

+Они почуяли нас, + окликнул Ктесий своего ученика. +Жди моих приказов. +

Он привёл свои мысли в порядок, подавив поднимающееся внутри чувство тошноты. Когда имеешь дело с призывом и изгнанием, нужно быть свободным от эмоций. Любая ошибка, и демоны варпа не преминут вцепиться тебе в душу. В идеале он бы предпочёл потратить некоторое время на то, чтобы подготовить всё необходимое, но время, как обычно, было недоступной роскошью. Он почувствовал, как к нему сползаются щупальца ощущений и мыслей: отчаяние души, медленно задыхающейся в пустоте, липкий пот на горячем теле, острая боль отказывающего сердца, наполняющая последние мгновения ничтожной жизни.

Корабль кишел призрачными следами. Заклёпки в металлических стенах покрывала ржавчина. Язва

успела пустить корни в гниющие кости судна до того, когда оно отправилось в пучины Савана Горгона за падальными сокровищами, а разъедающие течения имматериума лишь разнесли хворь глубже. К его обшивке цеплялись существа, странствуя вместе с ним. Железолوماتели, или как там называли себя хозяева космолёта, не обладали нужными навыками, чтобы изгнать паразитов из своего корабля, однако некоторым хватило знаний, чтобы приковать их к месту. Они превратили демонов в сторожевых собак. Ктесий понял это, едва начал прозревать добычу в зеркале и дыму, но сейчас, ощутив их костями и в мыслях, пожалел о том, что Ариман попросту не сжёг корабль и не обыскал его пепелище. Кто-то мог бы счесть такую реакцию странной — призыватель и сковыватель демонов, кривящийся от смрадного касания варпа. Для него, впрочем, никаких противоречий здесь не было: хозяину гончих не требовалось любить вонь экскрементов своих зверей. Его душа была старой и исчахшей, и на своём веку он повидал достаточно, чтобы перестать лгать самому себе. Будь у него выбор, он бы держался подальше и от этого корабля, и от трофея, за которым они сюда пришли. Ариман, впрочем, не предоставлял подобных выборов. По крайней мере, надолго они тут не задержатся.

Ликомед врезал по взрывозащищённому люку тараном из телекинетической энергии. Крышка сорвалась с петель, осыпав палубу со стенами проржавевшими осколками металла. Ктесий шагнул внутрь. Перед ним протянулся широкий коридор. В сиянии растрескавшихся светоламп дрейфовали споры. По стенам и настилу расплзались нити проросшей плесени. Демонолог почувствовал, как под его торопливой поступью проседает металл. Почувствовал, как приходит в движение варп. Тягучий, словно слизь. На краю зрения начали лопаться пузырьки. В нос ударил трупный смрад.

+Они здесь!+ послал он.

И нерождённые пришли за ними. Они выбрались из стен, протаскивая завитки мягкого жира сквозь слои ржавчины. Существа плюхнулись на палубу, отращивая конечности и усики, и широко распахнули пасти.

Ктесий ощутил импульс воли Ликомеда, и рубриканты тут же вскинули болтеры и открыли огонь. Масс-реактивные снаряды попали в демонов и взорвались синим пламенем. Жир расплавился. От корчащихся горящих созданий повалил густой грязный дым. Нерождённые, впрочем, не исчезли, а только разрослись, вздуваясь и сбрасывая с себя лопнувшую кожу. Они поползли вперёд, оставляя на палубе полосы выгоревшей жижи. Из ран вывалились мотки внутренностей, и, взвившись, опутали ближайшего воина Рубрики. Воля Ликомеда дёрнула рубриканта на себя, но кишки лишь стянулись туже, размазывая по пластинам брони кислотную слизь. Ктесий учуял в воздухе вонь скисшего молока и желудочных соков, и в голове у него раздалось жужжание мух.

+Уйди прочь,+ рявкнул Ктесий. +Другие уже идут — проход должен быть чист.+ Он по-прежнему шагал к колышущейся массе демонической плоти, заполонившей весь коридор перед ним. Истинные имена и слова призыва, подготовленные им заранее, стали протянувшейся из его разума в варп цепью.

Он промолвил первое имя вслух.

— Су`ко`сел`су...

Язык покрылся волдырями. Рот и нос наполнился запахом жженого сахара. За стенами реальности подчинённые демоны задёрнулись в оковах его воли.

— Ах`кел`мур`хил`су`сел...

Он вытащил нерождённых в настоящее, выволакивая их слогами своих имён. В воздухе возникли

красные прорехи. Из них хлынула кровь, забрызгав палубу, пенясь, сворачиваясь в мышцы, кожу и хитин. Свет, коснувшись опалесцирующей кожи, взорвался радугами. По палубе громыхнули копыта. Из чешуйчатых шей вытянулись длинные головы. Ктесий не стал смотреть на них — некоторых созданий лучше было не видеть. Масса раковых демонов отшатнулась, а затем ринулась вперёд. Рубриканы с Ликомедом поспешно убрались с пути.

— Еште, — скомандовал Ктесий, и призванные демоны хлынули к врагам маревом сиреневого дыма. Копыта с грохотом раскололи воздух и рассыпали на краю зрения шипяще чёрные искры. Когти-бритвы встретились с набухшей плотью. Стены оросились желчью и ароматной кровью. Ктесий позволил демоноциду продлиться шесть полных ударов сердец, прежде чем изречь слово изгнания, всё это время вертевшееся на кончике языка. Демоны взвыли, и их рывком дёрнуло обратно за пелену. Секунду он стоял на месте, вода языком по зубам, чтобы избавиться от привкуса пепла во рту. Куски жира и хрящей растекались эктоплазмой по потолку, стенам и полу.

+Путь чист,+ послал он и двинулся дальше, Ликомед и рубриканы построились вокруг него. +Мы движемся к трюму. Игнис, ты успеваешь?+

Послание Ктесия зашипело в голове у Игниса. От него не укрылась насмешка в словах и издевательский тон призывателя демонов. Он не ответил. Для этого у Игниса не было ни времени, ни терпения. Дребезжание десантного корабля стало громче, когда его двигатели заработали в полную мощность. «Грозовой орёл» нёсся к своей цели со скоростью выпущенного из пушки макроснаряда.

Он принялся считать, мысленно разделяя секунды на доли и наблюдая за тем, как те образуют узоры перед его третьим взором. В отсеке возле него полягивал Жертвенник, словно пытаясь избавиться от боли в суставах. Автоматону пришлось сложить конечности, чтобы уместиться в тесном отделении, но всё равно внутри он помещался едва-едва. Рядом с ними в маг-сбруе неподвижно сидели восемь рубрикантов. В их глазах тускло горел призрачный свет, а варп вокруг них наполнился слабым шипением сыплющегося песка.

Игнис досчитал до одного из священных значений.

+Пробуждай их,+ послал он.

Птоллен кивнул и начал мысленно проговаривать имена.

+Мабиус Ро, Истигелис, Т`латтон...+ Головы рубрикантов начали подниматься одна за другой. Шипение, доносившееся из доспехов, стало громче. Игнис различил тона и звуковые образы голосов, доносивших до него наполненным пылью ветром.

+Готово,+ послал ему Птоллен. Его воля сплелась с воинами Рубрики, так что теперь те станут подчиняться чародею, подобно частям его собственного тела.

Игнис не удостоил меньшего колдуна ответом, по-прежнему отсчитывая секунды до столкновения. Конечно, он мог бы следить за процессом через сенсорные системы, позволив машинным духам корабля вычислять расстояние и подлётное время до цели. Мог бы, но не стал. Всё, что ему требовалось знать, таилось в соотношениях и образах, непрерывно возникавших и преобразовывавшихся у него в голове. Временные промежутки, вес топлива, взрывная мощность снарядов — всё это и даже больше расщеплялось на доли и спиралью раскручивалось в его мыслях. В далёком прошлом его называли Властителем Разрухи, тем, кто умел сплести разрушение с секретной геометрией Вселенной. Титул

давным-давно перестал нести какую-либо смысловую нагрузку, но знание, что он знаменовал, никуда не делось.

Прошла секунда. Перед его внутренним оком возникли фрактальные образы. Всего на миг Игнису показалось, будто он взирает на нечто по-настоящему божественное.

+Выпускай,+ послал он. Самолёт содрогнулся, когда из его подвесных гондол вырвался первый залп ракет.

+Встать,+ скомандовал Птоллен, его тёмно-синие облачения заструились подобно воде. Маг-сбруя гулко откинулась. Рубриканты поднялись на ноги.

Игнис ощутил, как образы у него в голове преобразились, почувствовал, как меняются параметры спрогнозированного расстояния и времени, становясь идеальным бутоном причинно-следственного эффекта. Властитель Разрухи вытолкнул разум за пределы корабля и погрузился в открытый вакуум. Он самолично сотворил следующие моменты, и теперь собирался понаблюдать, как они обратятся явью.

Ракеты попали в двери ангарного отсека. Мелта-боеголовки сдетонировали. Металл створок раскалился до желтизны от жара. Девять наносекунд спустя долетела вторая волна, и фугасные заряды разнесли наполовину расплавившийся металл фонтаном брызг. Штурмовые трапы «Грозового орла» разом откинулись. Воздух с воем рванул наружу. Игнис увидел клубящийся в космосе пыль и пар, придававший звёздному свету желтушно-зелёный, охряный цвет. Птоллен уже стоял у края передней аппарели. Из пробоины в корабле кубарём вылетали фигурки. Плавающая дыра разверзалась перед ними всё шире...

А затем они оказались внутри.

Самолёт запустил маневровые двигатели, начиная торможение. Птоллен спрыгнул, и его топоры сверкнули синим пламенем. Рубриканты последовали за ним. Они приземлились на палубу и встали, в тот же момент открыв огонь. Большинство врагов в ангаре были смертными, людьми с ржавой аугментикой, но среди них затесались троё Железорожденных. Тусклый металл их силовых доспехов покрывали комья густой коррозии. Из вокс-решёток и сочленений ручьями сочилось машинное масло. Залп рубрикантов ударил по латам воинов и окутал их голубым пламенем. Те продолжали идти вперёд, словно не замечая запекающихся на броне струпьев грязи. Птоллен налетел на них с разгону. Среди изгнанных Тысячи Сынов он входил в число тех, кто предпочитал ратное дело умственному труду. Его сила и знания всегда были большими — достаточно большими, чтобы заслужить место во внешних кругах первого кабала Аримана — однако сила эта неизменно концентрировалась на войне. На убийстве. Игнис бы даже сказал, что тот ему нравится.

Один из Железорожденных отвёл руку. Он сжимал окутанную молниями булаву, чьё навершие походило на звезду из зазубренных шипов. Птоллен принял удар на топор. Игнис ощутил, как взвыл варп, когда оружие чародея перерубило рукоять булавы. Из места рассечения с криком вырвался свет. Воин попытался выпрямиться, но к тому времени лезвие топора уже погрузилось ему в горло, раскроив его до самой груди, попутно обращая плоть в дым.

Десантный корабль сел на палубу. Игнис спустился по трапу, душой слыша биение проходящих секунд. Жертвенник развернулся и двинулся следом, его орудие уже поднималось, готовясь открыть огонь. Луч не света с визгом пронёсся через весь ангар и попал в двух оставшихся Железорожденных, подступавших к Птоллену. Они стали смутными теньями, а затем взорвались, их тела попросту исчезли в один оглушительно громкий миг. Рубриканты пошли вперёд, расстреливая выживших смертных из экипажа.

+Открыть внутренние двери,+ послал Игнис. Жертвенник повернулся, и выпущенный из пушки луч ударил в противозрывные ворота, ведущие вглубь корабля. Металл задрожал, расплываясь волнами. Птоллен направился к ним, воздев топоры над головой. Из него вырвалась молния, и, врезавшись в дверь, заветвилась по створкам.

Игнис ощутил, как содрогнулась палуба, когда ещё один корабль приземлился рядом с его машиной. Этот самолёт был поменьше, его линии отличались плавностью по сравнению с острыми гранями «Грозового орла». Корпус его был чёрным, с золотым окаймлением. Пластины брони покрывали шрамы от постоянных ремонтов. Едва когтистые лапы корабля вцепились в палубу, из его подбрюшья выдвинулся трап. По нему спустилась пария. Она была человеком, женщиной, высокой, тонкокурой. Неприкасаемая носила тёмно-багровый нательник, с её плеч ниспадал плащ, сотканный из чёрно-золотых чешуек. Голова женщины скрывалась под золотым шлемом, из-под безликого визора которого виднелся только рот и подбородок. Над её спиной выглядывала длинная рукоять двуручного меча. Разум Игниса съёжился от одного только вида женщины. Его мысли и чувства соскальзывали с неё, не в силах проникнуть внутрь, и чародея не покидало ощущение, словно его душу затягивает в себя нечто пустое и голодное.

Чудовище... Мысль невольно пришла ему в голову, несмотря на то, что он находился в её обществе уже достаточно раз с тех пор, как она попала на орбиту Аримана. Её звали Мэхэкта, и она была пустышкой: её душа не отражалась в варпе. Обычные люди испытывали дискомфорт, оказываясь рядом с ней подобными. Для тех же, кто обладал психическими дарами, их присутствие могло стать настоящей мукой. Игнис сглотнул комок подкатившей к горлу желчи.

— Держись от меня подальше, — прорычал он.

— Конечно, — ответила неприкасаемая.

Противозрывные двери в другом конце ангара рухнули, рассыпая молнии.

Игнис внутренне содрогнулся, и, отвернувшись от Мэхэкты, двинулся внутрь.

Двери перед Ариманом отзывались у него в голове тупой ноющей болью. Они были из холодного железа. Их испещряли линии, выцарапанные глубоко в тусклой серости, слова и символы сходились вместе ярко пылающей перед его внутренним оком паутиной. Древние слова, старые символы. По поверхностям возле двери расползлась ржавчина и гниль. С потолка свисали бутоны металлической плесени, стены покрывали бусинки молочно-белой влаги. В некоторых местах настил и боковые плиты стали мягкими, будто кожа. А, посреди всего этого, дверь вместе с рамой упорно сохраняли чистоту и твёрдость.

+Где носитель ключа?+ резко спросил Ариман, когда из одного из туннелей показался Ктесий.

Из проходов, ведущих в другие части корабля, всё ещё доносились стрельба и крики. Ктесий выпустил часть своего зверинца нерождённых на нижние палубы, и под присмотром его ученика демоны занимались тем, что было для них естественным. Ариман оградился от психической отдачи, которую создавали убийства, но всё равно чувствовал, как призрачные отголоски когтей-бритв скрежещут по скорлупе вокруг его разума, и слышал вибрации ужаса и боли.

+С Игнисом,+ отозвался Ктесий. От Азека не укрылась настороженность в голосе брата. +Они идут.+

Глубоко внутри, под слоем спокойствия, Ариман подавил вспышку гнева. На мгновение его мысли спутались.

Конечно, Мэхэкта с Игнисом... Ему нужно собраться. Нужно выполнить все действия так, чтобы решить проблему. Он закрыл невидимые под шлемом глаза.

Хлоп.

Чернота.

Горящая полоса вдалеке, расходящаяся от края до края его мысленного взора. Она что, стала ближе? Он ощутил пыль и прах...

«Нет», — твёрдо скомандовал он.

Хлоп.

+Обереги исключительно сильны,+ послал Ктесий, встав перед дверями в хранилище. Ариман заставил себя сосредоточиться на том, что говорил демонолог. +Мы смогли бы распустить их, будь у нас время. Нет никаких гарантий, что они не запустят какое-то мерзкое противодействие. Мы можем перегрузить их, но то, что находится внутри, едва ли уцелеет. Ещё можно позволить Игнису воспользоваться мелта-зарядами, хотя и это не лучшая затея.+ Колдун ощутил, как Ктесий упёрся в него пронзительным взглядом. Их телепатическая связь сузилась, так что теперь разговор не слышал никто, кроме них двоих. +Что там внутри, Ариман? Может, настало время поделиться секретом?+

— Мы... — начал Азек.

Хлоп.

Горящая полоса никуда не делась. Мигрень на горизонте его разума.

Контроль. Нужно двигаться дальше. Нужно. Им всем.

— Нам не нужно взламывать дверь, — произнёс он.

— Почему?— нахмурившись, спросил Ктесий.

— А зачем ломать дверь, если есть ключ?— раздался холодный женский голос.

Мэхэкта вышла из зёва коридора. Игнис с Птолленом следовали за ней, держась на расстоянии, движения колдунов выдавали их отвращение к парии. Ктесий невольно дёрнулся, едва та прошествовала мимо него к дверям хранилища. Ариман удержал разум в спокойствии и не пошевелился, даже когда тень неприкасаемой скользнула по его пограничным мыслям. В руке женщина стискивала чёрный железный ключ на мотке потускневшей цепи. Она провела пальцем по поверхности створки, нашла то, что походило на глубокую скважину, и вставила в неё ключ. Щелчок, поворот, а затем двери отодвинулись в стены. Им в лица дохнул охлаждающий пар.

По ту сторону царил кромешный мрак. Дисплей шлема Аримана зашипел, пытаясь соткать картинку из доступного света. Он ощутил, как охранные обереги, встроенные в стены, пол и потолок помещения, отталкивают его разум прочь.

— Нуль-комната... — произнёс вслух Ктесий.— Правильно возведённая... — Он шагнул на порог и протянул внутрь руку. Ариман понял, что демонолог пытается ментально преодолеть пси-подавляющий эффект помещения за дверью.— Мощная, и очень хорошо спроектированная. Её точно сделали не отребья, пользовавшиеся кораблём.

— Свет, — приказал Ариман. Жертвенник загудел. Из оружейной установки автомата ударила яркая вспышка. Пространство было огромным. На полу валялись целые груды того, что на первый взгляд казалось выброшенным мусором. Ариман двинулся меж куч поломанных силовых доспехов, горки рогатых черепов и костей, и каменных чаш, наполненных кусками кристаллов, ярко поблёскивавших в сиянии люмена. Колдун ощущал отголоски гнева, и боли, и ненависти в каждом предмете, мимо которого проходил.

— Это не сокровищница, а куча хлама, — заявил Ктесий. Он, Игнис, Птоллен и Мэхэкта последовали за ним. Рубриканты остались охранять вход. Звуки резни на остальном корабле стихли. — Какие-то отбросы. Они отправились в Саван и забрали каждый кусок пропитанного варпом мусора, какой лишь смогли найти. То, что они решили, будто это, — призватель демонов указал на нечто, напоминавшее силовой кулак, покрытый костяным наростом с перьями, — достойно попасть в хранилище, уже говорит тебе всё. О боги зла, легионы Ока и впрямь заслуживают вымирания.

— Мы здесь лишь ради одного, — отозвался Ариман, по пути озираясь то туда, то сюда. Возле груды потускневших серебряных цепей покоился угловатый предмет. Чародей подошёл ближе. Предметом оказался непримечательный блок из кристалла, восьми футов в самом длинном участке, и по четыре — в ширину и глубину. Его поверхность покрывали трещины, неровности и пыль, однако на вершине располагалось небольшое отполированное до прозрачности окошко. Ариман заглянул внутрь. Минуту он оставался неподвижным, после чего отступил в сторону, освобождая место Мэхэкте. Женщина выпрямилась и посмотрела на Аримана.

— Это оно, — заявила неприкасаемая.

Ариман кивнул, и вдруг пошатнулся. Он моргнул. Горящая полоса по-прежнему была там, но уже ближе.

«Нет, — подумал колдун. — Нет. Ещё немного времени». У него пересохло во рту. Он почувствовал жар. Разве они ничего не замечали? Должны же видеть. Ему нужно... что-то... сказать. Но он не мог. Он не мог сказать ни слова, не мог открыть глаз, не видел ничего, кроме подступающего огненного горизонта.

Нет, только не здесь. Не сейчас... Если это настигнет его прямо тут, то у остальных не останется шансов. Не останется времени...

— Что это? — поинтересовался Ктесий, решив самому изучить кристалл.

Демонолог шагнул вперёд и взглянул на то, что хранилось внутри блока. Полированная поверхность была идеально прозрачной, так что ему показалось, будто он смотрит сквозь окно на воздух. Внутри лежала человекообразная фигура. Она отдалённо напоминала скелет, изготовленный из матированной стали и углеродного материала. Посреди лба располагалась чёрная сфера. В некоторых местах по телу существа тянулись золотые линии, формируя узоры из кругов и линий.

— Пришелец? — обернувшись, спросил он. — И он должен нас спасти?

Ариман не ответил. Ктесий попытался установить с ним телепатическую связь. Азек поднял руку. Его пальцы дрожали.

— Он... идёт... — выдавил он.

И тогда Ктесий ощутил это сам, ощутил, как в его разум и тело вливается жар, словно он вдохнул воздух из домны.

Игнис застыл на месте. Рубриканты у двери затряслись. Птоллен свалился на колени.

Ктесий только и успел глубоко затянуться.

А затем началось.

Взрыв бомбы у него в черепе.

Белый свет.

Рёв.

Опаляющий жар.

Всё вокруг утонуло в огне.

Пиродомон. Вот как его называли демоны, призванные Ктесиём. Всё началось с того момента, как Ариман и остальные Изгои сбежали с Планеты Чернокнижников после попытки наколдовать Рубрику во второй раз. Сначала ясновидцы и авгуры перестали прозревать будущее. Их внутреннее око заволгло мглой, пока они не стали видеть лишь на пару мгновений за настоящим моментом. Затем они узрели горящий горизонт. Гильгамос, могущественнейший после Аримана предсказатель, описал его как золотую полосу, прочерченную на чёрном листе. Остальные тоже начали видеть его, неважно смотрели они в грядущее или нет. Однажды Ктесий закрыл глаза от усталости и также впервые заметил его, яркий и режущий взор. Вскоре он стал его постоянным спутником, пылающей полосой во тьме за веками. Ариман созвал Круг своих сподвижников. Они дискутировали и спорили, однако ни один из них не имел ни малейшего представления, что же это такое. Большую часть дебатов Ариман оставался безмолвным. И это Ктесий нашёл наиболее тревожным — не потому, что Азек не знал, что происходит, а как подозревал демонолог, потому что знал. А затем оно начало приходить к ним.

Сначала возникал жар. Ктесий чувствовал, как он нарастает изнутри, расходясь из глубин тела до самой кожи. Потом плоть охватывала боль. Затем свет, с рёвом докатывающийся из чёрной дали. Всё происходило так быстро. В промежутке между одним ударом сердца и следующим. Ощущение заполняло его без остатка. Боль, и пламя, и рёв огненной бури. Всё длилось будто целую вечность. А когда ужас заканчивался, Ктесий обнаруживал себя свернувшимся на полу, с привкусом пыли и праха во рту.

Это происходило с ними всеми. Каждый из Тысячи Сынов, всего на миг, испытывал одно и то же. Не обошло оно стороной и рубрикантов. Они замирали, забывая обо всём, чем бы ни занимались до этого. В их глазах загоралось призрачное пламя. Некоторые, казалось, говорили, надломленными шелестящими голосами зовя старых товарищей, моля о помощи, о том, чтобы огонь прекратился. Такого просто не могло быть. Рубриканты представляли собой запечатанные комплекты доспехов, внутри которых находились отголоски душ воинов, что когда-то их носили. Рубрика, наколдованная Ариманом, превратила их в наполненную прахом скорлупу. Всё, что осталось от тех Тысячи Сыновей — это эхо их имён и жизней, навеки заключённые в клетки. Они не могли действовать самостоятельно, а лишь подчиняться. Однако с приходом огня что-то изменилось.

Изгоев охватила паника. Испуганные чародеи строили теории и рассуждали, что делать дальше. Это была атака. Проклятье, насланное на них Магнусом Красным в наказание за то, что Изгои вернулись в его царство. Результат происходящих в Оке Ужаса изменений.

А затем это случилось снова. И снова. Каждый раз всё сильнее, каждый раз — всё неожиданней. И

теперь оно не просто проходило без последствий. Теперь оно отнимало.

Огонь низошёл из варпа, а когда он исчез, один из рубрикантов обратился в прах. Не осталось даже отголоска его души. За ним последовали другие. Ариман велел Ктесию разузнать, что об этом известно демонам варпа. Он вернулся с именем: Пиродомон, апофеоз, метаморфоза в пламени. А вскоре оно забрало первых из живых.

Самым первым пал чародей по имени Искиад. Он был прорицателем грёз и воителем тонких искусств. Они нашли его после очередного проявления Пиродомона. Места соединений на его доспехах были запечатаны. Линзы шлема горели тусклым призрачным светом. Внутри брони был только прах и тихое эхо имени. Искиад, переживший наложение Рубрики, стал теперь духом в клетке-доспехе. Рубрикантом.

И тогда, наконец, Ариман назвал вещи своими именами: это было последствие Второй Рубрики. До них, наконец, докатилась эфирная ударная волна от содеянного. Великий ритуал, проведённый ими в попытке спасти легион, не завершился. Он вышел из-под контроля, словно пожар, перекинувшийся на бескрайний лес, который не погаснет до тех пор, пока все деревья в нём не станут пеплом. И они не знали, как это прекратить.

Ктесий окунулся в огненный ад. Он кричал, не открывая рта. Перед глазами расплывались и расцветали золотые, красные и оранжевые пятна. Он чувствовал на коже под бронёй пыль и песок.

«Только не я! — Услышал он собственный крик. Это была не мольба, а скорее безмолвный яростный рёв. Он продал свою душу так много раз, и отнял столько жизней, дабы уцелеть самому, что просто не мог закончить вот так. — Только не сейчас. Только не я».

Огонь исчез. Он закашлялся, весь дрожа. Перед глазами лопались цветные пузырьки.

— Ктесий. — Это был Ариман. — Игнис.

Моргая, он заставил себя подняться. По щекам катились обжигающие кислотные слёзы.

Ариман был прямо перед ним. Демонолог заметил, что тот едва-едва держится на ногах. В поле зрения ввалился Игнис. Его оранжево-чёрный терминаторский доспех побледнел от чародейской изморози. Мэхэкта неподвижно стояла перед кристаллическим блоком. Казалось, она даже не шелохнулась.

— Это было хуже, — выдохнул Ктесий. — Сильней, чем в прошлый раз.

+Доставьте артефакт на корабль, нам нужно уходить,+ раздался мысленный голос Аримана, срывающийся, вот-вот готовый дрогнуть. +Быстро.+

— Жертвенник, — произнёс Игнис. Автоматон с лязгом подошёл к ним и поднял блок. Поршни в корпусе машины зашипели, принимая на себя вес предмета. Они повернулись к двери.

Птоллен стоял там же, где Ктесий видел его в последний раз. Он не пошевелился. И не смотрел на них.

Все замерли.

+Брат,+ наконец послал Ктесий. — Птоллен?

Колдун поднял голову и оглянулся. В его глазах плескался бледный свет. Ктесий услышал в своём разуме медленный крик бесконечно сыплющегося праха.

ГЛАВА II

БРАТЬЯ

— Что ты помнишь?

— Что я — Гелио Исидор.

— Ты помнишь что-нибудь ещё?

— Свет. Я помню свет.

— А до света?

— До света — ничего.

— Ты помнишь язык.

— Язык?

— Слова, с помощью которых мы сейчас общаемся, их значение. Это — основа речи и знания.

— Я не помню, как говорить. Я просто говорю, точно так же, как дышу.

— Ты заметил, что я говорил на высоком готическом, а затем перешёл на герметика лингвис Просперо?

— Нет. Я слышал, что ты сказал. Звуки, что ты издаёшь, важны?

— Всё важно. Ты понимаешь, что говорил на герметике с того момента, как я обратился к тебе на нём?

— Нет. Я говорю, и всё.

— Ты помнишь последний наш разговор?

— Мы говорили прежде?

— Да. Ты знаешь, кто я такой, брат?

— Нет.

— Я — Азек Ариман.

— Извини, но я не помню, чтобы у меня были братья.

— У тебя много братьев, и я — лишь один из них.

— Я не помню других. Мне жаль.

Ариман наблюдал за Гелио Исидором. Его брат по легиону сидел, скрестив ноги, в центре Клетей безмятежности. На нём был кремового цвета табард. Кожа выглядела чистой и не отмеченной шрамами. В янтарных глазах плясали золотые искорки. Он, не моргая, смотрел на Аримана. Круглую платформу, на которой он восседал, окружали вращающиеся обручи из бронзы. По каждому ободу тянулись строчки символов. Ариман слышал разумом песню, что они сплетали в эфире, перекатывающиеся в них нотки могущества, заключающие, отделяющие, защищающие. Скоро ему придётся уйти. Необходимо сосредоточиться на том, что случится дальше. На будущем. Следует идти сейчас. Нужно идти.

Ариман остался на месте. Он пришёл сюда без доспехов и шлема, в одних только сине-красных одеяниях магистра. Воздух в камере был прохладным и неподвижным, с ионным запахом. Здесь грохот Великого Океана варпа ослабевал до далёкого бормотания, его мощь и ярость оставались вовне до тех пор, пока не потребуются ему снова.

— Кто ты такой? — спросил Гелио Исидор. — Я бы хотел узнать.

«Кто ты такой?» Вопрос эхом раздался в тишине. Азек почувствовал, как на ум приходит ответ, тот же ответ, который он давал Гелио каждый раз, как тот спрашивал. Часть его захотела было покачать головой, отдавая себе отчёт, что когда он вернётся снова, Гелио не вспомнит ни ответа, ни молчания. Брат продолжал смотреть на него пустым ожидающим взглядом.

Ариман сделал вдох и дал тот же ответ, что и тысячу раз до этого.

Его звали Азек Ариман. Он родился на Терре и стал воином легиона Тысячи Сынов. Он помог построить Империум среди звёзд. Он остался верным и преданным братьям по легиону, своим идеалам и Империуму. Его предали: сначала Император, а затем генетический отец, примарх Магнус. Император воспользовался силами варпа, чтобы создать Империум и вознести Свои знания и могущество до высот, граничивших с божественными. Затем Император запретил пользоваться той же силой и Магнусу, и его Тысяче Сынов. Хуже того, Он наказал их за изучение тех искусств, которые практиковал Он сам. Погибель и огонь, варварство и кровь: вот как Император вознаградил их за то, что они следовали по Его собственному пути.

Затем второе предательство отцом своих отпрысков. В Оке Ужаса разумы и тела Тысячи Сынов начали разрушаться. Их одолевали мутации. Воины-мудрецы становились бездумными тварями из когтей, перьев и живого огня. Властители потаённых искусств теряли контроль над физической оболочкой, их плоть растекалась подобно воску от пламени. Они кричали; некоторые в тишине, другие — сотнями ртов. И всё же Магнус не разрешил Ариману искать лекарство для легиона, а тем временем, постепенно, жертв становилось всё больше, пока в один момент их не стало слишком много.

Ариман сделал то, что должен был. Он со своим кабалом подготовил и наколдовал Рубрику. Азек надеялся остановить мутации братьев, освободить их, сделать теми, кем они были. Частично ритуал удался, но в остальном чародеев постиг полный крах. Его легион, его братья превратились в комплекты доспехов, внутри которых бесконечно падали их души. У остальных, жалкой горстки, изменились и увеличились колдовские силы. За это Ариман и его последователи заслужили изгнание. Легион Тысячи Сынов, прежде умирающий, теперь сломался окончательно, разделившись на верных Магнусу, на занявших собственную сторону, и тех, кто пошёл за Ариманом. Некоторые отправились вместе с ним в надежде на спасение, другие — в поиске власти и возможности заполучить толику его силы. Прочие, вероятно, потому, что умели только подчиняться другим. Изгои, колдуны, военачальники и те, кто искал надежду или возмездие, — он видел их всех, и понимал, что только он, и он один, может их спасти.

— Я один из Тысячи Сынов, — произнёс Гелио Исидор. Он говорил тускло, без всякого выражения и эмоций.

Ариман кивнул.

— Верно.

— И какой выбор я сделал? Я решил пойти за тобой?

Какое-то время Азек не отвечал.

— Нет, — наконец признался он. — Ты решил не идти за мной.

— Значит, я один из других — враг, пленник.

— Ты не пленник.

Исидор поднял руку и указал на сферу из огромных бронзовых обручей, вращавшихся вокруг него и платформы, на которой он сидел.

— Мне не нужно помнить, чтобы узнать клетку.

— Ты не пленник. Ты — мой брат.

— Почему я тебя не помню? Что со мной случилось?

— Я попытался обратить всё вспять, — продолжил Ариман. — Рубрику, наше проклятье мутации, вообще всё. Я отправился на Планету Чернокнижников, где правит Магнус, и откуда меня изгнали. Я отыскал и исправил огрехи в первой Рубрике. Я наложил её снова. Я знал, что на этот раз она была идеальной. Я верил, что она преобразит нас, что наш легион станет таким, как прежде.

— Она сработала?

— Частично. — Азек грустно улыбнулся. — Один дух, один рубриконт, вернулся обратно к жизни.

— Я.

— Именно так.

— Но я не помню... — Гелио Исидор нахмурился. — Я хочу вспомнить. — Он посмотрел на Аримана. — Чего ты хочешь?

Колдун почувствовал, как невольно моргнул.

— Я хочу спасти наших братьев. Хочу исправить нанесённый урон.

Ктесий уже ждал Аримана, когда тот вышел из Клетей безмятежности. Он простоял здесь почти час. У него ныли кости, и он понял, что опирается на посох. Следовало надеть доспех, позволив ему взять на себя весь вес, однако демонолог решил иначе — как будто признание того, что он устал, ознаменует победу этого факта. Он смеялся всякий раз, когда думал об этом, нередко вслух. Горечь, сквозившая в его хохоте, заставляла некоторых нерождённых, скованных в лаборатории, щёлкать и хихикать от веселья. До чего глупая, противоречивая мысль — конечно, он был старым, даже древним, и пережил множество поколений жалких недолговечных смертных. То же самое, впрочем, можно было сказать и об Аримане, и о Киу, Игниси и всех остальных из их рода, но пока века складывались в тысячелетия, те не старели ни на день. Своим мастерством они не позволяли голоду времени подтачивать свои силы. Конечно, он и сам был далеко не слаб — очередной парадокс шутки. Он мог одним движением сломать руку смертному. Мог вытащить клинок из брюха, и рана закрылась бы и зажила прежде, чем он воткнул тот клинок человеку в глаз. Однако оболочка плоти ссохлась и мучила его болью, тупым ноющим чувством, угнездившимся в позвоночнике. Его плоть и кожа туго обтягивали кости, так что с каждым годом, прибавлявшимся к уже прожитому времени, Ктесий всё больше и больше напоминал труп. Такой была цена, или, вернее, суммой цен, которую он платил за то, кем был: сковывателем демонов и похитителем власти, которая ему не принадлежала. Власть всегда имела свою цену, проявляющуюся как

в большом, так и в малом, и те, кому ты платил, зачастую обладали чувством юмора острым, как лезвие пилы. И ты должен был платить, чего бы это тебе ни стоило.

Он смотрел, как Ариман закрывает за собой двери. Внутри них провернулись механизмы. Символы зажглись синим пламенем, затем красным.

+Всё как прежде?+ спросил Ктесий, послав вопрос коротким телепатическим сигналом.

Секунду Азек просто стоял, не отвечая. Как и Ктесий, он был в простой мантии и казался небооружённым. Естественно, это было не так. Ариман в любой момент мог развернуть настоящий апокалипсис. Даже не имея в руке оружия, он всё равно обладал таким разумом и повелевал такими силами, с которыми ему не требовался ни клинок, ни болтер. Впрочем, некоторые орудия у него всё же имелись. Подле Аримана висела нечёткая чёрная тень, словно выжженное на сетчатке слепое пятно, видимое только внутреннему оку Ктесия. Отвернувшись от двери, Ариман поднял руку, и тень сгустком свернулась у него в ладони. Теперь он сжимал посох, увенчанный с одной стороны загибающимися рогами, а с другой — остриём копья, и украшенный фрагментами кристаллов и костей. При каждом движении позади него трепетал и сворачивался свет. Ктесий моргнул и отвернулся.

+Ну?+ послал он.

+Он такой же, как раньше,+ ответил Ариман, зашагав прочь от комнаты. Демонолог последовал за ним.

+Рано или поздно тебе придётся...+

+Придётся что?+ оборвал его послание телепатический ответ.

«Придётся посмотреть правде в глаза, Ариман, — подумал он. — Признать, что тот, кто сидит в той клетке и называет себе Гелио Исидором — в лучшем случае пустой сосуд, померкший отголосок жизни и души. Когда ты оставишь надежду, что однажды он скажет нечто иное, кроме имени и того, что ничего не помнит...» — Ничего этого демонолог не произнёс вслух, понадеявшись, что мысли остались внутри его черепа в такой же безопасности, как он считал.

На Ктесия обрушилась стена звуков, стоило им войти в главный артериальный проход «Гекатона». Широкий проспект был запружен всевозможными существами. Многие из них являлись людьми, или, по крайней мере, считались ими в прошлом. Встречались также и зверорожденные. Большинство падали перед Ктесием ниц. По полу расстилались шёлковые накидки: жёлто-охряные, небесно-синие, оранжевые, изумрудно-зелёные. В воздухе шепотом разносились слова на десятках языков. Волнение, страх, отвращение, подхалимство и трепет захлестнули разум Ктесия лихорадочно-горячей волной. Он почувствовал, как при виде расступающихся толп его губы презрительно скривились.

«Мы не боги, достойные поклонения», — подумал он.

+Я продолжаю допросы нерождённых, но ничего нового о Пиродомоне они не говорят. Кроме...+ Его мысленный голос стих.

+Кроме чего?+

+Кроме того, что они его боятся.+

+Нерождённые не испытывают настоящих эмоций.+

+ Не испытывают. Это, скорее, выражение их инстинкта выживания.+

Ариман продолжал идти.

+Я буду искать дальше, + послал демонолог.

+Если желаешь. +

Ктесий остановился. В его разуме закружился гнев, чего он даже не попытался утаить.

Ариман замер в шаге впереди и обернулся к нему.

+Ты что-то хочешь мне сказать, брат?+ поинтересовался он.

+Что мы будем делать?+ послал Ктесий. +От нас уходит всё больше кораблей. Этот ксенос до сих пор сидит в трюме, а ты так и не сказал никому, кроме той бездушной, для чего он тебе.+ Азек зашагал дальше. +Время на исходе, Ариман. Среди твоих последователей и войск ширятся трещины. Вернее, трещины были всегда, но старые начали расширяться, и к ним добавляются новые.+

+Ты думаешь, я этого не вижу? Думаешь, я слепой, Ктесий?+

+Я думаю, ты позволяешь одной древней ошибке затуманивать своё суждение касаясь того, что должно случиться дальше. Я думаю, что в лучшем случае ты нам не доверяешь, а в худшем — считаешь, что мы не согласимся с твоим замыслом. Я никогда не был вроде Киу и Гильгамоса, с радостью идущих во тьму и полагающих, будто ты неспособен заблуждаться. Я-то знаю, что ты можешь совершать ошибки, и одну из них ты делаешь прямо сейчас. Мы умираем, Ариман — огонь придёт за всеми нами. Ты не сможешь решить всё в одиночку, и если ты ничего не сделаешь, то скоро и впрямь останешься один.+

+Всё, что я делал, было ради легиона, и для того, чтобы мы выжили.+

+Да, и каждым действием ты всё ближе подталкивал нас к бездне забвения.+

Ариман застыл как вкопанный, обернулся. Его глаза стали синими, цвета звёздного огня. Взор колдуна излучал силу. Ктесий почувствовал, как у него закружилась голова. Мощь, исходившая от Аримана, походила на сияние полуденного солнца. У него запершило в горле, и он сглотнул. Это также было одним из того, что лишь усугубилось после нападения на Планету Чернокнижников и провала Второй Рубрики: Ариман, и без того могущественный, непревзойдённый в чародейском искусстве, начал становиться чем-то другим, чем-то более сосредоточенным, подобно лучу света, сужающемуся до тех пор, пока не становился обжигающим — чем-то, что, по мнению Ктесия, больше не определялось одним только колдовским умением и знанием; чем-то, отчего у демонолога пересохло во рту, едва он решил заговорить. Его мощь стала невероятной. Наихудшим, однако, было то, что он, казалось, терял над ней контроль.

Ариман отвернулся и двинулся к двойным дверям из холодного железа, что вели вглубь корабля.

+Древние передали человечеству одну истину: нужно заниматься лишь тем, над чем имеешь власть, + не оглядываясь, послал Азек. +Они говорили, что мы властны над своими разумами, но не над событиями. Но мы — не смертные из далёкого прошлого. Мы — Тысяча Сынов, и то, что мы думаем, во что верим, чего желаем — всё это станет явью. События, реальность, судьба — перед нами склонится всё.+

Символы на железных створках перед ними ярко вспыхнули, после чего померкли. Двери открылись.

— Как скажешь, — пробормотал Ктесий, оставшись стоять на месте.

Двери закрылись, и Ариман окунулся в тишину комнаты. Он почувствовал, как его тщательно выстроенные мысли отъединяются от берегов, вплетённых в стены и пол помещения. Бурление Великого Океана варпа схлынуло из восприятия. Азек застыл в совершенной неподвижности, прислушиваясь к биению сердец и медленному втягиванию в лёгкие воздуха.

«Всё ещё жив, — подумал он. — По-прежнему плоть и кровь». Тьма не ответила. Он простоял так ещё один удар сердец. Затем велел зажечься свету.

Из закреплённых на стенах чаш с маслом взвился огонь. Комната наполнилась золотым сиянием, становящимся всё ярче по мере отражения от зеркально-гладких гранитных стен. Покои находились внутри пирамиды, водружённой на хребет «Гекатона» среди скоплений башен и куполов. Кто-то мог бы подумать, что его убежище должно было располагаться на вершине высочайшего шпиля, с которого открывался вид на весь город, выросший над необъятным космолётом. Однако его личное помещение представляло собой весьма скромное место, угнездившееся меж более крупных сооружений, подобно осколку полированного агата в россыпи более крупных и ярких камней. Пол размечала эднеаграмматическая звезда внутри круга, выложенная из серебра.

У каждого из четырёх углов комнаты стояло по каменному пьедесталу. На одном лежали его доспехи, каждый их элемент был выставлен отдельно, придавая им схожесть с расчленённым панцирём мёртвого ракообразного. На втором покоился шлем, его высокие рога вздымались над кристаллическими глазными линзами. Третий оставался пустым, дожидаясь посоха, который он пока держал в руке. Четвёртый занимал ларец. Его поверхность покрывали крылья и скарабеи из ляпис-лазури и бронзы, но Азек знал, что под ними оставался всё тот же помятый металл. Он разжал кулак, и посох, выскользнув у него из пальцев, поплыл к своему возвышению. Чародей закрыл глаза. Здесь, в этой заводи похищенной тишины, он мог ощутить свои мысли, и цепи сокровенных формул, проходящих сквозь слои подсознания, переплетаясь друг с другом, с эфиром варпа и реальностью, непрерывно контролируя и синхронизируя всё вокруг него. В тишине они зашептали ему голосами из прошлого.

Астрей, заблудший и ослеплённый.

Кармента, её душа и разум растворились в кораблях, которые она пыталась усмирить.

Ормузд, его брат по рождению и легиону, давно погибший.

— Судьбу выбираем мы, и творим её также мы...

Все мертвы, преданы им и унесены потоком времени, пока не стали напоминать сон, медленно тонущий под гладью настоящего, барахтающийся, тонущий...

— Каждым действием ты всё ближе подталкивал нас к бездне забвения. — Вот что сказал Ктесий. Правда всегда была ножом, что наносил самые глубокие раны.

Ему требовалось отдохнуть, восстановить равновесие. Всё вот-вот начнётся. Он чувствовал это, и ему следовало быть готовым. Больше его не направляли пророчества и оракульский взор. Лишь его собственная воля.

«Я должен идти дальше, — подумал Азек. — Неважно, какой ценой, но я должен. Я должен вернуть всё как было. — Но времени оставалось так мало, да и оно подходило к концу. Нет времени планировать, нет времени, чтобы всё проверить и перепроверить. *— Нет времени для сомнений. Если этого не сделаю я, то не сможет уже никто».*

Ариман выдохнул и открыл глаза. Он стоял перед ларцом на четвёртом плинте. Колдун моргнул. Он ведь находился в другом конце комнаты. Должно быть, раздумья привели его сюда. Азек посмотрел на ларец, который не открывал уже очень долгое время. Он поднял руку. Ему следовало отдохнуть...

Жест, и выложенная золотом и ляпис-лазурью обшивка разобралась с бормотанием механизмов. Обереги и эфирные замки разомкнулись со шелчками рассеивающейся энергии. Под блистающей оболочкой оказался помятый отштампованный металл. Ариман протянул руку и поднял крышку. Единственный предмет внутри покрывала кремового цвета накидка. В ноздри ударил запах пыли и копоти. Он откинул ткань. На него воззрился шлем. Он был почерневшим и погнутым, с выступающим носом и ничем не украшенный — вороний убор для мёртвого воина. Азек заколебался, затем достал его. Пальцы коснулись царалин в керамите. Линзы испещряли тонкие, с волосок, трещинки. Шлем казался ему знакомым, как будто последний раз, когда он его надевал под другим именем, случился всего несколько часов назад.

Хоркос... Имя из иного времени, для иного человека, сломленного человека, который надеялся, что судьба позволит ему спокойно утонуть. Глупец, предавший всё, что было ему дорого...

Минуту он удерживал взгляд шлема, после чего поставил убор обратно и накрыл его саваном. По мимолётному мысленному велению золото и ляпис-лазурь сомкнулись обратно над ларцом. Азек отвернулся и сел, подогнув под себя ноги, в центре эннеаграммы на полу. У него не было времени, но ему требовалось восстановиться, хотя бы самую малость. Колдун закрыл глаза и начал собирать мысли в образы, которые подняли его сквозь слои сосредоточенности и контроля. Он почувствовал, как вопросы и воспоминания остаются позади. Тишина комнаты проникла в его разум...

И он открыл глаза в безмолвной пещере.

Единственным источником света служил лунный блеск на озерце в скальной впадине перед ним. Серебристый свет касался мыслеобраза стен, вычёрчивая источенный водой камень. На одном из сталактитов образовалась капля, засверкавшая в бликах на озёрной глади. Она повисла, вырастая в размерах, затем сорвалась. Звук её падения в воду отдался кратким эхом, прежде чем стихнуть. Рябь отразилась от стенок скалы, накатывая на ещё подступающие волны, и медленно улеглась.

Ариман позволил тишине вокруг себя сгуститься, наблюдая за возникновением следующей капли. Ничто из этого не было настоящим, по крайней мере, не в том смысле, в котором большинство других воспринимали умозрительные концепции. Пещера находилась у него в голове, и являла собой идею, сотворённую его волей. Каждый её составной элемент был взят из воспоминаний самого Азека: блеск камня, витавший в воздухе лёгкий кремнистый запах, ощущение безмолвия, и бессчётное множество прочих деталей. Всё это было реальным, однако здесь их смешали вместе, чтобы создать нечто новое. Пещера находилась в самых недрах его разума, подле отголосков и призраков генопамяти и полузабытых жизней. Он создал её в качестве внутреннего убежища в дни и месяцы после сотворения Второй Рубрики и бегства с Планеты Чернокнижников. Это было место обновления, его личное место — обособленное и свободное от прошлого, настоящего и будущего. Путь, по которому он шёл ради своего легиона, и власть, коей он обладал, лишали его практически всего, что Азек бы мог назвать по-настоящему своим, но вот пещера — безмолвная и секретная, спрятанная глубоко внутри — была его и только его. Ариман позволил себе погрузиться в свой личный подземный мир. Он успокоил мятущийся разум, пока в мыслях не осталось ничего, кроме самых ключевых образов. На его лицо вернулась безмятежность, кровь, дыхание и нервы пришли обратно в норму.

— Всё так, как должно быть, — промолвил он вслух, и его слова разнеслись эхом, точно так же, как

плёск упавшей капли до этого. Здесь, во тьме, он мог поверить в их правдивость. Он выдохнул концепцию воздуха. Скоро ему придётся уйти отсюда, возвратиться в мир вихрящихся мыслей и разворачивающихся событий, последствий и действий, и неопределённости будущего, уходящего к далёкому горизонту. Его ждала впереди долгая дорога, наподобие той, по которой он спустился в пещеру. Он пройдёт через пустые дворцы памяти и безжизненные остовы старых убеждений. Путешествие займёт всего один удар сердец, однако оно покажется ему целой вечностью. Призраки, потерянные предметы и тайны, всё то, что для обычного разума оставалось сокрытым, погребённым в недрах подсознания, пройдут вместе с ним весь обратный путь до внешнего мира.

— Всё будет так, как должно быть, — сказал он и поднялся. Пора возвращаться. Азек шагнул к краю озера, наклонился и погрузил пальцы в гладь.

— Ариман...

Он вихрем развернулся на голос, однако уже начал падать в воду, оставляя стихающее слово позади. Колдун устремился вниз, сквозь мрак и прошлое...

В лёгкие ворвался воздух. Глаза открылись. Убежище было в точности таким, каким он его оставил. Пламя по-прежнему горело в стенных чашах. В комнате царила неподвижность и тишина. Ариман моргнул. Подождал...

Ничего.

Он моргнул опять, после чего встал из центра эннеграммы. Он потянулся волей, и его доспех поднялся с пьедестала и разделился на составные компоненты, которые на мгновение закружились вокруг него. Одежда растворилась в воздухе за миг до того, как латы собрались уже на его теле. На голову опустился шлем. Мир перед глазами расцветили крутящиеся отметки, сияние таинственных знаков и вращающихся геометрических фигур. Плоть, броня и рассудок объединились с тихим бормотанием неврального подключения и мысли. Слова и письмена, выгравированные на пластинах, поймали поток льющейся из его разума эфирной энергии и озарились мощью. Ею наполнились кристаллы, встроенные в шлем, кирасу и наплечники. Он почувствовал, как боевое облачение срачивается с разумом, уплотняя мысли и волю в формы и образы, наполняя силой, ограждая. Наконец, пришёл черёд Чёрного Посоха. Азек протянул руку, и он оказался в ладони — не порхнув по воздуху, но просто возникнув прямо в ней. Мгновение чародей стоял, наслаждаясь вернувшимся равновесием и сосредоточенностью восприятия. Он уже собрался сделать шаг, как вдруг замер и оглянулся. На самой границе мыслей Ариман услышал, как из тьмы прозвучало его имя.

ГЛАВА III

КЛЮЧ К БЕСКОНЕЧНОСТИ

Игнис наблюдал за тем, как в наполненном дымом воздухе вращается модель флота Изгоев. Он был в расплавлено-оранжевой и угольно-чёрной терминаторской броне, и всякий, увидевший его впервые, решил бы, что он вполне заслуживал своё место в Высшем кругу Аримана в качестве последнего великого магистра ордена Разрухи — разрушителя и уничтожителя. Конечно, они были бы правы, но только не в этот конкретный момент. Сейчас его больше занимали вопросы созидания.

Модель, парившая перед ним, представляла собой не голокартинку, а физическое подобие: корабли отображались с помощью крупиц расплавленного серебра, помещённых на идеально сбалансированные дуги телекинетической энергии, которые корректировали расположение каждой горящей капли в соответствии с движениями реальных звездолётов в пустоте. Помещение, где находилась модель, имело форму сферы, стены состояли из серого железа и свинца и были покрыты золотыми линиями, что описывали эфирно-геометрические фигуры, которые сохраняли и поддерживали образ. Помимо прочего, они корректировали и реальность, посылая импульсы корабельным экипажам, если их суда нарушали построение. От таких корректировок, к сожалению, было не деться. Игнис давно смирился с несовершенством Галактики по сравнению с мощью и чистотой нумерологии, геометрии и соотношений. Вот что делало истинность цифр и фигур высшей правдой бытия — факт, что физический аспект был весьма далёк от идеала. Наблюдая за тем, как угасающая инерция медленно, но верно разрушает строй космолётов, он недовольно поморщился. Геометрические татуировки, покрывавшие его голову, пришли в движение. Он ощутил дрожь, когда помещение направило команде сбившегося корабля приказ изменить скорость. Игнис упёрся взглядом в точку горящего металла, дожидаясь, пока та скорректирует позицию.

Такая выверенность в построении флота служила не просто для услады его взора. Суда и их перемещения являлись частью макростроения высшего порядка, что расходилось от них к звёздам и кровоточащей ране в космосе, коей являлось Око Ужаса. Это построение сплеталось с разумами и мыслями, сознанием и подсознанием миллионов душ на борту кораблей. Они резонировали друг с другом. Между ними происходили числовые и символические преобразования, которые затем воздействовали на окружение. Всё это представляло собой необъятный самоподдерживающийся механизм, который вытягивал из Великого Океана энергию, смысл и цель, запасая их до того момента, когда в них возникнет потребность. До того момента, когда он высвободит их мощь. Это была одна из сложнейших задач ритуальной инженерии, которую когда-либо доводилось решать Игнису, и она вполне могла бы стать венцом его существования, не встань у него на пути несовершенство реальности и смертной природы. Чародей нахмурился, когда огненная пылинка сбившегося корабля сместилась на микрон назад, занимая нужную орбиту.

Стоявший возле него Жертвенник, зашипев поршнями, переступил с ноги на ногу. Он оглянулся на автоматона. Его чёрный корпус, увитый золотыми прожилками, походил на грозную тень закованного в латы великана. Орудие кибернетического прислужника резко дёрнулось к ведущей в зал круглой двери. Магистр перевёл взгляд туда же, вернувшись назад в реальность вне сконструированной модели. Татуировки на голове изменились снова.

К ним двигался человек, окружённый четырьмя стражами в серебряных доспехах с синими накидками. Их лица скрывали шлемы, безликие и лишённые прорезей для глаз. Копья, закинутаые на плечи, гудели в низком режиме энергопотребления. Все они были псайкерами, отобранными из числа одарённых среди смертных трэллов и обученными низшими чародеями Тысячи Сынов на роль телохранителей для навигаторов, что вели их корабли по Великому Океану. Их называли Незрячими Хранителями. Все они были слепыми и безъязыкими, их силы и чувства направлялись посредством разумов, глаза — отданы ради того, чтобы беречь секреты тех, кого они защищали. Первейший из их подопечных плёлся к Игнису с Жертвенником, волоча за собой смявшиеся складки бархатного наряда. С тяжёлым сипением Сильван Йешар подходил всё ближе. Две трости — одна эбеновая, другая серебряная, — цокали по полу в такт шагам, хотя державшие их руки оставались спрятанными в полах широких рукавов.

— Я не могу больше ждать, пора отправляться в путь, — произнёс Сильван, глядя на космодесантника. Лицо мужчины скрывалось за серебристой вуалью, однако Игнис всё равно различил под невесомой накидкой смутные чёрты: складки плоти, мягкие тени, где прежде могли находиться глазницы. Он

ощутил, как у него по коже забегали мурашки, и, скривившись, покачал головой.

— Мы никуда не отправимся, пока этого не прикажет Ариман. До тех пор сиди в своей конуре и жди.

— Боль... — протянул Сильван, и вздрогнул. Ткань покачнулась, когда таившаяся за ней плоть задрожала. — Ты не понимаешь, если мы не отбудем, тогда... тогда...

— Тогда ты умрёшь, — просто сказал Игнис.

Сильван дёрнулся, но от несогласия, или по какой-то иной причине, магистр так и не понял.

— Океан... Великий Океан зовёт, и я должен идти... Мы должны идти. Пучины — наш дом, его течения — жизнь в нашей крови. Дай нам поплыть, дай ему течь сквозь нас. Прошу, дай нам жить.

Игнис шагнул вперёд. Незрячие Хранители встrepенулись, ощутив угрозу. Жертвенник сделал шаг к ним, его оружие повернулось, поршни сжали пальцы в кулаки. Охранники Йешара замерли. Игнис смерил их взглядом, после чего посмотрел на мужчину. В воздухе вокруг него витал странный приторный запах, напоминавший вонь курений и прокисшего молока.

Йешар был, или когда-то являлся, навигатором — разновидностью мутантов, что пилотировали корабли в варпе, позволяя им обходить ограничения физических законов и пересекать расстояния в световые годы за считанные часы или дни. Империиум никогда особо им не доверял, хоть и нуждался в них. В этом они были чем-то схожи с Тысячью Сынами, что, впрочем, ничуть не умаляло недовольство Игниса, когда кто-либо из них оказывался в одной с ним комнате. Ариман забрал Сильвана с имперского космолёта, и с тех пор варп основательно поработал над плотью навигатора. Год за годом он деградировал всё сильнее, и теперь его разум стал таким же нестабильным, как его тело. У него осталось только два примечательных качества, а именно мастерство в распознавании течений эмпиреев, и ещё умение выживать. Это, а также нечто вроде благосклонности Аримана к навигатору, причин которой Игнис даже не мог себе представить, помогли ему продержаться так долго. Тем не менее, это совершенно не сказывалось на его презрении к жалкому существу.

— Ты со своим племенем — лишь составной элемент, не более того, — заявил Игнис. — Ты работаешь, когда этого требует механизм. Ты не споришь и не жалуешься. Ты ждёшь и исполняешь.

Сильван всхлипнул и заковылял назад. Мгновение казалось, будто он хочет что-то сказать.

+Игнис.+ Послание громко зазвенело у него в голове. Он поднял руку, заставляя навигатора умолкнуть.

+Ариман.+ ответил он.

+Пора начинать.+

Магистр уже пришёл в движение, устремившись мимо навигатора с его телохранителями. Жертвенник последовал за ним, сотрясая своей поступью палубу.

— Ты понимаешь, — бросил ему вслед Сильван. — Да, понимаешь.

Игнис наблюдал, как на столе рассеивается кристаллический блок. Воздух в комнате не пах совершенно ничем, очищенный от всех, до последнего, свободных ионов и частиц в подготовке к... Он на мгновение задумался. На ум пришло слово «изучение», но затем его вытеснило другое. *Допрос*... Да, это был допрос. Жертвенник ждал с одной стороны, Ариман — с другой, оба застыли в полной неподвижности.

Они простояли так три часа, две минуты и пять секунд. Игнис не сводил мысленного взора с кристалла, разумом разбирая его атом за атомом.

Скелетообразное существо по-прежнему покоилось внутри. Неправильность сквозила в каждой детали его тела.

— Ксенос, — заявил Игнис, когда впервые увидел создание.

Мэхэкта кивнула.

— Представитель давно вымершей расы.

— Но этот ещё жив.

— То, что не было живым, умереть не может, — ответила ему пария.

— Его форма... она скелетообразная, и напоминает изображения смерти из человеческого прошлого, да и множества других чужацких рас.

— Они существовали задолго до появления людей, — пояснила женщина. — Их тени стали концепциями, которые наши разумы превратили в богов и грёзы. Неудивительно, почему они кажутся нам такими знакомыми. До того, как Галактика сотворила собственные кошмары, живущим внушали ужас они.

Игнис не стал выпытывать подробности.

Он спросил Мэхэctu лишь о том, кто запечатал существо в кристалле. Та едва заметно пожала плечами.

— Я не знаю. Возможно, правду не знает никто, но не думаю, что это сделала его раса.

Игнис с ней согласился. Кристалл был создан посредством психической манипуляции с веществом. Его структуру пронизывали молекулярные решётки, не пропускавшие к предметам внутри никаких форм энергии. Сами предметы не таили в себе ни искры, ни метки псионического потенциала, ни даже намёка на связь с варпом — они казались инертными и совершенно гладкими в эфире. Это указывало на то, что блок и его содержимое происходили из разных источников.

Он убрал последний кристаллический слой. Металлическое существо неподвижно лежало в стерильном воздухе. Игнис ощутил, как разум инстинктивно начал анализировать микроузоры и пропорции тела ксеноса. По нервным окончаниям пробежал холодок, прежде чем мгновение спустя он усилием воли оборвал изучение. Игнис не горел желанием узнать, что обнаружил бы, позволь процессу завершиться. Он послал команду висевшим над столом сервоманипуляторам. Хромированные конечности качнулись вниз и извлекли предметы, хранившиеся внутри блока вместе с существом: посох, его раструбная верхушка состояла из материала, напоминавшего чёрно-зелёное стекло; плащ из переливающихся чешуек; и, наконец, сферу. Игнис не смог определить, была ли последняя из металла, стекла либо чего-нибудь ещё. Серворуки опустили каждый предмет на отдельный постамент.

Он подождал. Ни предметы, ни ксенос не шевелились. Игнис проверил показания ауспиков на дисплее шлема. Ничего. Они были полностью инертны. И всё же...

— Жертвенник, протокол бдительности, — произнёс он. Автоматон заблокировал ноги. С гулом зарядились камеры оружия. Пушка у него на спине начала медленно поворачиваться из стороны в сторону, бдительно следя за комнатой. Игнис ввёл код, и выдвинувшиеся из стола цепи связали фигуру по рукам, ногам и в талии. Принимая во внимание то, что поведала Мэхэкта о потенциальных

возможностях пришельца, оковы будут сугубо декоративными.

Игнис посмотрел на Аримана.

+Всё подготовлено, + послал он.

Игнис коснулся разума чародея и почувствовал, как вокруг него усиливается энергия. Пока Повелитель Разрухи готовил комнату к допросу, Ариман занимался подготовкой своего разума и варпа. Игнис отметил крошечное изменение радужек и зрачков Азека, словно тот перевёл внимание с внутреннего мира на внешнее окружение.

+Начинай сопряжение, + послал Ариман.

Игнис сделал вдох и собрал мысли и чувства в образ, закрутившийся вокруг ядра его воли. Священные числа стремительно завращались, описывая небольшие круги, пока восприятие медленно обретало остроту. Каждый фрагмент его разума приходил в равновесие с прочими элементами. Удар сердца он просто наблюдал за происходящими переменами, после чего открыл третье око.

Вокруг него ментальные конструкции Аримана расходились всё дальше и дальше, пока он не перестал их различать мысленным взором. Концепции и смыслы мчались наперегонки друг с другом подобно мирам в некоем огромном планетарии. Сферы заклинаний кружили, сталкивались, сливались и разделялись в танце бесконечных преобразований.

Игнис нечасто испытывал трепет; на своём веку он повидал и познал слишком много всего. Но, узрев творение Аримана, он ощутил нечто сродни изумлению. Он видел, как Азек совершал великие и ужасные вещи, призывы, заставлявшие реальность растекаться и взвизгивать подобно подхваченному штормовым ветром стягу. Но это... это было почти что совершенством.

За время, ушедшее у Игниса на осмотр артефактов, Ариман придумал и создал нечто, что можно было описать лишь как эфирный механизм. Композиции из мысли и символизма пронзали побуждения воли и воображения, все детали конструкции работали и совмещались между собой без запинок или сбоев. Истинно гениальное творение, воплощённое в жизнь создателем невозможного. И механизм предназначался для одной-единственной задачи: позволить мыслям и воспоминаниям преодолеть барьер темпорального потока.

+Восходим, + послал Ариман. Игнис сомкнул глаза. Его сознание поднялось и сплелось с умозрительной конструкцией. Он услышал, как разум завторил мыслям, что принадлежали не ему. Почувствовал инстинктивное сопротивление, когда частицы его души вышли из-под контроля. Игниса захлестнули ощущения: прикосновение снежинок к лицу, отголоски ревущих течений в глубочайших пучинах океана, холодный камень, и серебро, и карканье ворона в безлистном лесу...

Игнис открыл глаза.

Ариман посмотрел на него и едва заметно кивнул.

— Начинаем, — произнёс он вслух и перевёл взгляд на металлическое существо на столе. Игнис ввёл новый код, и из модуля на потолке опустился ещё один сервоманипулятор, увенчанный длинным углеродным шипом. Генераторные катушки, подключённые к конечности, начали разгораться. Магистр ощутил, как от гула статики у него занули зубы. Теперь оставалось лишь надеяться, что информация, предоставленная Мэхэктой касаясь пробуждения этого... создания, окажется верной. Остриё шипа коснулось груди пришельца. В воздухе сверкнула белизной псевдомолния.

Заключённый спрыгнул со стола. Его тело просочилось сквозь молекулы удерживавших его оков и врезалось в энергетический купол. Искры посыпались каскадом, как только силовое поле схлопнулось и пустило горизонтальную ударную волну. Пленник неуклюже приземлился на колени. Подняв взгляд, он увидел нависавших на них гигантов в доспехах. Один в оранжево-чёрной, второй — в синей броне. Позади них разворачивался их грубый роботизированный прислужник, сверкающий серебристыми и чёрными поверхностями своей оболочки.

Воин в оранжево-чёрных доспехах закричал. Автоматон тут же выступил вперёд, сотрясая палубу поршневыми конечностями. Пушка у него на плече ожила, и узник ощутил тёмную материю, накапливающуюся внутри неё. Ему хорошо были известны её внешние проявления и оставляемый привкус, ещё с незапамятных времён войн, что оставили шрамы на самих звёздах, когда те были молодыми.

Пока оружие словно затаило дыхание для выстрела, заключённый измерил расстояние между каждой точкой в помещении и замедлил течение времени до такого состояния, что о его ходе свидетельствовал лишь распад атомов. Короткая дистанция от него до дула оружия, от автоматона до его хозяев, от них до двери — каждая из этих величин образовывала мысленный кристалл, всякая грань и плоскость которого тянулась на несчётные измерения.

Затем роботизированный слуга открыл огонь, и луч абсолютной черноты рассёк пространство, отчего пронзительно завопил сам воздух. Тёмная линия вошла в туловище узника. Субстанция, из которой состояла его оболочка, стала распадаться, обращаясь в ничто по мере того, как луч углублялся. Процесс протекал невероятно стремительно. Для иных существ минуло бы всего мгновение, узник же медленно созерцал картину собственного уничтожения во всех подробностях. У него было достаточно времени понаблюдать, проанализировать и понять, что чёрная энергия выпущенного в него импульса поглотит его тело во вспышке коллапсирующего вещества. Ему ни за что не выжить, но этого в принципе и не требовалось. Ему нужно было только достать до сферы, лежащей на постаменте за его пленителями.

Его рука сомкнулась на сфере...

И вселенная пересоздалась во вспышке схлопывающегося времени.

Узник пришёл в сознание. К нему поочерёдно вернулись все чувства. После он расслышал рядом какое-то движение.

— Наут шал`кре`та? — говорил воин в оранжевых латах.

— Су`ван`ис, — ответил ему тот, что был в синем облачении.

Заключённый различил слова, и его мозг сразу принялся вычленять из них информацию. Количество возможных трактовок росло и группировалось. Он разгадал корни языка, но, чтобы его усвоить, требовались ещё примеры.

— Се`ша`он вер.

— Ка`ут ван`иск, крее ур`ению. Нет?

— Нев`мон уск да`ше, ша`он`вер ка`на`инк? Ка-ит не`ба...

Сам язык особой сложностью не отличался, но в его структуре использовалась необычная система

знаков. В произносимых словах отдавались отголоски давно мёртвых цивилизаций.

— Функционирует эк`ит, — произнёс воин в оранжево-чёрном. — Кел технологии рал-ут бел`шарн.

Воин в синём взглянул на собеседника, прежде чем ответить.

— Се`ша`он се`ур`ерен, и ан`иск`хой де ра`ус`асон турду`сиск.

— И только вер-аш дэо-ну.

— Ех боюсь та`ха`ат мы к-выкнем.

— Это н-хет беспокоить.

Проведя дополнительный анализ, пленник наконец сумел проследить происхождение языка до его источника. Впоследствии эти сведения могли пригодиться, сейчас же это было неважно. Заключённому нужно было сбежать, и для этого ему требовалось только одно — время.

— Оно в курсе нашего присутствия? — спросил воин в синем.

— По его оболочке разливается энергия, — сообщил тот, что в чёрно-оранжевой броне.

— Это значит да или нет?

— Это единственные данные, которые я могу предоставить на твой вопрос. Мне ничего не известно о подобной форме... жизни.

— Жизни? Да... пожалуй, надо называть его именно так.

Как только визуальный сигнал вернулся, взору пленника предстали три фигуры. Две имели антропоморфные очертания неких существ в военных доспехах. Третья же представляла собой автомата, грубо сделанную машину из микросхем и поршней. На плече у неё была установлена пушка с вытянутым стволом, вибрирующим от энергии. Узник не спускал зрительных приборов с этой троицы, пока его оптика проходила по всем диапазонам электромагнитного спектра. На субмолекулярном уровне обозревать он пока не мог, но ждать того момента оставалось недолго. Нужно было только время, и лучшим способом выиграть его было заговорить.

— Я... могу... слышать вас, — вымолвил он. — И могу видеть.

— Ты знаешь наш язык? — спросил тот, что в синем.

— Его корни и структура просты, — ответил пленник. — Поэтому освоить его и выстраивать обороты речи также весьма просто.

— Как твоё имя?

— Имя? Ха, да, понятие, ценимое в вашей системе псевдознаний. Самое близкое к нему, что я могу предложить — Сетех, слуга вечности династии Гиксосов.

Две незнакомцев переглянулись.

— Оно говорит совсем как человек, — подметила фигура в чёрно-оранжевом. — В его интонациях слышны эмоции: высокомерие, непокорность, презрение.

— Нет, не как человек. Как мы. Оно имитирует нас. Ведь так, Сетех?

— Ты — пронизательное, но ограниченное создание, — ответил тот.

— Как посмотреть, ведь всё в нашем мире относительно. С моей точки зрения мы многое можем получить друг от друга.

Какую-то секунду Сетех не отвечал. Часть его сознания готовилась преобразовать молекулы его тела. И как только это случится, он сумеет совершить фазовый переход сквозь оковы. А затем... что ж, это уже в значительной степени зависело от того, где он находился. Наверное, на борту крупного корабля в космосе... Да, скорее всего. Но в какой части света этот звездолёт? Сетех прервал цепочку размышлений. Ответы на эти и другие вопросы ему, безусловно, понадобятся, но уместны они будут лишь тогда, когда он высвободится. А для этого ему нужно было дотянуться до хронометрона, лежащего на каменном постаменте сбоку от секционного стола, на котором он лежал. Ему не успеть существенно отмотать время, но он сможет перезапустить последние события и в следующий раз, когда будет переживать эти мгновения, произведёт некоторые значимые изменения в настройках. Он вычислил, что ему необходимо сделать, и составил чёткий алгоритм действий, который надлежит исполнить, едва он дотронется до хронометрона. Когда формула побега окончательно сложилась у него в голове, ему на миг показалось, будто он уже предпринимал те же шаги ранее.

— А как зовут вас? Ведь так обязывают спросить правила вашего разговорного шаблона?

— Меня зовут Азек Ариман, а моего соратника — Игнис.

— Хоть мне никогда прежде не доводилось встречаться с вашим видом, уверен, вы не являетесь его типичными представителями. Когда в последний раз я пребывал в сознании, существовали кое-какие создания, которые могли бы в итоге развиться в ваш биологический вид. Однако, я ожидал бы больших отклонений в физиологии и меньшего увеличения общих физических данных. Отсюда я делаю вывод, что вы появились не в ходе эволюции. Полагаю, вас вывели искусственно, вы — слияние примитивных знаний и генофонда родной расы. Такой ход мыслей правилен?

Игнис повернулся к Ариману, и чёрные линии биоэлектрических татуировок образовали новый узор.

— Ты собираешься, в конце концов, допрашивать эту... штуковину, или наш метод исследования теперь заключается в том, чтобы позволить ей задавать вопросы? Я нисколько не нахожу это забавным.

Ариман промолчал, но задержал взгляд на узнике. В его глазах что-то было. Сетех не испытывал ничего и близко похожего на подлинные чувства на протяжении долгих эонов, но ледяная пронзительность тех голубых глаз...

— Какие глобальные выводы с учётом столь скудных данных, Сетех, — отозвался Ариман.

— Вас впечатляют такие пустяки. После того, как поучаствуешь в создании и разрушении цивилизаций более великих, чем вы можете себе вообразить, изумление каких-то тварей, которые ползают по руинам, трогает как-то мало.

— Мне кажется, это он про нас, — вставил Игнис.

— Мой народ обуздал звёзды и сломал оковы смертности, когда биологический вид, от которого вы произошли, только-только покинул породившие его иловые пруды. Наши войны выжигали саму реальность, а власть наших царей беспредельна. Земля, что вы топчете, принадлежит не вам, а нам.

— И как называется ваш вид? — спросил Ариман.

— Зачем давать имя тотальности?

— Потому что, кем бы вы ни были, вы потерпели неудачу, — заявил Игнис. — Так что пережившие крах могут как угодно называть остатки прошлого.

Сетех залился смехом.

— Мы были, есть и будем. Я должен поблагодарить вас обоих, Ариман и Игнис. Этот незатейливый обмен бессмысленными речами оказался весьма поучительным. Теперь я узнал тебя, Азек Ариман, и я запомню тебя. Но ты этого не запомнишь!

С этими словами Сетех обратил удерживавшие его цепи в пыль и метнулся к сферическому прибору. Ариман и Игнис среагировали с запозданием. Они были быстры, крайне быстры, но всё же не ожидали такого поворота событий, и потому Сетеху удалось схватить хронометрон. При контакте в устройство тут же начали перетекать вычислительные данные. Затем Игнис крикнул, и мир снова начал умирать.

— Жертвенник, протокол убийства!

Луч тьмы стремительно вылетел из дула орудия автомата и угодил Сетеху в туловище. Хронометрон активировался, и настоящее стало прошлым.

Потоки времени потекли вспять вокруг Сетеха. Он не помнил прошлых вариаций данного момента, но имеющуюся у него информацию он не мог получить иначе, кроме как однажды уже пережив его. Он знал имена трёх фигур, нависших над ним. Знал расположение каждого объекта в камере, и, что самое важное, знал, что это последний цикл. С каждым повторением этой встречи хронометрон сдвигался немного ближе. И с каждым разом, как Сетех успевал добраться до устройства, прежде чем его уничтожали, он забирал у него на песчинку больше времени чем раньше. Раз за разом он повышал свою осведомлённость в происходящем и менял настройки хронометрона. Ему оставалось выполнить лишь ещё одну итерацию, и тогда он смог бы замкнуть петлю времени. Смог бы освободиться.

— Он в сознании.

— Да. В сознании.

Последовательность мыслей Сетеха нарушилась. Что-то изменилось в схеме событий. Что-то, чего он не предусмотрел. Впрочем, у него не было времени выяснять, в чём проблема. Каждой частичке его сознания требовалось сосредоточиться на фазировании сквозь оковы.

— Ты Сетех, криптек из династии Гиксосов. Ты понимаешь меня?

— Понимаю. Ваши лингвистические формы столь же бесхитростны, как ваши методы моего заточения.

— Ты знаешь, почему ты здесь?

Сетех застыл. Вопрос представлялся неуместным. В голове у Сетеха начали складываться строки логических выводов и ошибок, но он резко оборвал процесс. Всё это было несущественно, ему же требовалось целиком сконцентрироваться на взаимодействии с хронометроном, так как он был уже почти готов. Оставалось подождать ещё чуточку времени.

— Ты хочешь получить информацию, — произнёс он. — Хочешь тайны.

— Да, но твоё понимание происходящего ограничено.

— Этот разговор не к месту.

Кандалы растаяли, и Сетех соскочил со стола. Поверхность его оболочки переменялась с матовой до зеркально-чёрной. Автоматон начал двигаться, на ходу вращая свою пушку. Внутри неё стала образовываться тёмная энергия.

Рука Сетеха потянулась к хронометрону.

Копьё тьмы выстрелило, но теперь ему не суждено было попасть в цель. Рука криптока нависла над хронометроном. Он сжал на устройстве пальцы.

И замер.

Холод сковал его члены. Воздух замерцал. В уме Сетеха образовался парадокс: свет померк, энергия и масса поменялись местами, а затем и вовсе прекратили существование. Луч, выпущенный из орудия киборгизированного слуги, застыл в пространстве осколком черноты. Ариман и Игнис не шевелились, но их окружало переливающееся разными цветами сияние, разгоняющее тени. Незримые пути обвили Сетеха плотнее, как только он выдавил из себя слова.

— Я понял, вы рабы царства анафемы.

— Теперь-то ты осознал безвыходность своего положения, — заявил Ариман. — Наблюдать за твоим поведением было в высшей мере занимательно.

Ариман выставил руку, и хронометрон взмыл с постамента и лёг ему в ладонь. После он принялся вертеть его в пальцах, с любопытством изучая поверхность сферы, на которой играл свет. Игнис встал рядом, и на его невыразительном лице сменился рисунок татуировки. Ариман раскрыл ладонь, и хронометрон, пролетев по воздуху, упал в хватку соратника.

— Потрясающе, — выдохнул Игнис. — Влияние на течение времени совершенно незаметно. Даже ряби нет в варпе. События просто отматываются назад и снова идут своим чередом.

— И всё это благодаря какому-то шарикю, который держал один из их техновизирей. Ну что, развеяло это твои сомнения в существования подобной технологии?

— Более чем, но как оно работает?

Глаза Сетеха заволоч белый шум, едва Ариман наклонился к нему. Зелёные линзы шлема чернокнижника на миг сверкнули.

— А вот это, брат мой, — промолвил Ариман, — и есть главный вопрос.

— Вам нужны секреты времени, — произнёс Сетех. Ариман отступил назад. Если честно, он не думал, что чужак ему ответит. Его умственные способности потрясали. Он собирал факты из крох информации с неслыханной скоростью и точностью. И это делало его одним из самых опасных существ, с которыми ему доводилось сталкиваться.

«Он манипулирует тобой, — прозвучал голос у него в голове. — А пока ты манипулируешь им, он

адаптируется. Пока я думаю и просчитываю, он занимается тем же самым, наши мысли сцепились, подобно шестерёнкам механизма».

+Факторы сопутствующего риска многовариантны,+ послал Игнис. +Дальнейшее существование данного индивидуума увеличивает вероятность катастрофы.+

+Я всё понимаю, брат,+ ответил Азек.

Глаза Сетеха сверкнули.

— За вами крадётся смерть, — заявил вдруг он. — Вы стоите на краю вымирания.

На лице Аримана не дрогнул ни единый мускул. Какой фрагмент информации привёл ксеноса к такому выводу? Впрочем, откуда бы он его ни взял, заявление являло собой провокацию. А это значило, что ему что-то нужно.

+Оно собирается предложить обмен,+ послал Ариман Игнису.

+Да,+ согласился тот. +Ты это согласишься?+

— Чего ты хочешь? — спросил Ариман вслух.

— Прямой подход, — ответил Сетех. — Исключение максимума допущений и недоговорок. Значит, ты пришёл к выводу, что я предложу нечто, нужное тебе, взамен на то, что требуется мне. У тебя поразительный интеллект как для представителя рождённого из слизи вида.

Ариман подождал. Спустя минуту ксенос издал перемежаемый статикой смешок.

— Ты умираешь. Твоя плоть предаёт и тебя, и тех, о ком ты заботишься. У тебя есть сила, однако тебе не удалось предотвратить неизбежное. В итоге ты обратился за пределы своей власти. Тебе нужен ключ, чтобы отпереть само время...

+Нельзя позволять ему говорить дальше,+ послал Игнис. +Оно вплетает в свою речь шаблоны эмоций и уязвлений. Оно знает нас, и скажет всё, что мы хотим услышать. Если мы дадим ему продолжить, прогрессия событий не сулит благоприятного исхода.+

+ Но что, если оно говорит правду?+ спросил Азек.

+Тогда прогрессия становится вовсе катастрофической.+

— Я могу дать вам этот ключ, — пообещал Сетех.

— Как? — поинтересовался чернокнижник.

— Устройство, что ты держишь в руке, способно ограничено управлять ходом времени. Для тебя это чудо, но мой вид умел гораздо, гораздо больше. Перед нашим уничтожением повелитель моей династии создал устройство, по мощности превосходившее это на целые порядки. Оно не просто могло отматывать крошечные отрезки времени или останавливать его, но воссоздавать заново — давало власть над парадоксом и причинно-следственной связью... Мы умели менять случившееся и контролировать настоящее.

— Если твой вид обладал таким могуществом, почему его не стало? — поинтересовался Ариман.

— Могущество порождает врагов. Чем большее могущество, тем опасней враги. Наши недруги почти не

уступали нам по силе, и у них имелись средства, чтобы нас уничтожить.

— Но ты выжил?

— Я сбежал, и пока моя эпоха рассыпалась прахом, я спал, и ждал, и надеялся.

— Надеялся на что?

— Что однажды я проснусь, а наших врагов не станет. Что я вернусь на развалины дома и узнаю, уцелел ли из моей династии кто-нибудь ещё. Ты спросил, чего я хочу, и вот мой ответ. Я хочу отправиться на могилу своего народа. Доставь меня туда, и я дам тебе ключ к бесконечности.

+Оно не лжёт,+ послал Ариман Игнису.

+Нет, не лжёт,+ согласился тот. +И это делает его опасным.+

Для большинства разумных существ, а, может, для всех, первый миг пробуждения терялся в смутности. Даже для самых развитых представителей вида, мысль — гнездившаяся в низменной материи и ею же порождённая, — служила той основой, на которой зиждилось их понимание всего и вся: речи, смыслов, причинно-следственных связей. Также в варпе, особенно в варпе — где накапливался и гноился загустелый отказ от самосознания, — начальный момент проходил незамечено. Он был слишком абстрактным, слишком сугубо и исключительно физическим, однако это же по-своему делало его ближе к магии, нежели всё, что мог сотворить варп.

В двух разных точках пространства, но в один и тот же момент, две специфические субатомные частицы, находившиеся в квантовой пустоте, двигались в идентичном направлении. Они были спутаны между собой уже давно, их положения — определены в микроструктурах внутри каждой из двух точек. Их разделяли громадные расстояния космоса, расстояния, пересекать которые им придётся тысячи световых лет. То, что одна из них могла заставить другую меняться, отрицало основополагающие законы физической вселенной, однако ни одна экзотическая частица никоим образом не воздействовала на другую. Они просто вели себя идентично, связанные и переплетённые между собой настолько, что, в сущности, представляли единый элемент. Когда изменилась одна, изменилась и вторая.

В одном месте за событием не последовало ничего. Во второй точке, системы, черпавшие энергию из фонового излучения, отметили, что запутанная частица изменила своё вращение. Цепочки переговоров и выводов начали проскакивать через давно остывшую субстанцию систем, погребённых под коркой мёртвых миров. Системы эти были довольно простыми, не более чем уровнями автоматизированных блоков отслеживания и контроля, которые формировали внешние слои единого целого, которое они охраняли. Переговоры и команды замигали подобно глазам сторожевого пса, проснувшегося от прикосновения ветерка к носу.

Запутанность — О

I — Данная иерархия пробуждается — Сознание — Моление II

II — Моление принято — полномочия и решение отсутствуют в хранилищах

постановленных полномочий данной иерархии — Постановление I — подтвердить источник запутанности место-личность

I — Подчинение — Место-личность Носитель Чёрного Диска, Высочайший Сетех — Моление II

II — Моление принято — распределение и командование не в числе функций данной иерархии — Постановлено — начать пробуждение III

I — Подчинение — будет так, как постановлено

ГЛАВА IV

РАЗДЕЛЁННЫЙ КРУГ

Ктесий зашипел от боли и открыл глаза. По нижней губе сочилась кровь, стекая вниз к подбородку. Он чувствовал, как рана во рту уже заживает, однако вред был нанесён. Слова, что он произносил, успели стихнуть, оставив после себя лишь привкус прогорклых фруктов и благовоний, смешивающийся с кровью на языке. Освежёванное лицо, удерживавшее скованную сущность пойманного демона, плавало в наполненной ртутью чаше перед ним, упрямо, почти что вызывающе не желая исчезать. На мгновение ему захотелось схватить его и раздавить в кулаке. Вместо этого он выдохнул.

— Неудача? — спросил Ликомед. Ктесий взглянул на ученика и вытер с подбородка кровь.

— Если хочешь узнать, как я наказываю за нахальство, то ты почти у цели.

— Я просто хочу знать, есть ли у нас какой-то прогресс.

Демонолог поднялся и сплюнул, с его брони посыпался пепел, где прежде находился один из пергаментов-оберегов, сгоревший в последней попытке выведать больше о природе Пиродомона. Он словно старался распутать узел во внутренностях сгнившего трупа, после чего проследовать за ниточкой к тому, как его завязал. Пока что ему не удалось даже послабить часть клубка.

— Это глупая затея.

— Я думал, ничто не устоит перед твоими знаниями и мастерством в искусствах, — нейтральным тоном отозвался Ликомед, принявшись заново чертить на полу символы. В серебряной чаше зашипела и вспузырилась кровь, когда он вновь обмакнул в неё пальцы.

— Не строй из себя дурачка, лишь чтобы позлить меня, — усмехнулся Ктесий. — Ты понимаешь, что такое истинное знание и могущество? Так вот, это осознание того, что даже если ты на вершине, перед тобой всё равно остаются границы возможного. — Сковыватель демонов покачал головой, глядя на освежёванное лицо и узор ряби, формирующийся в ртути вокруг него.

Он тихо ругнулся, после чего отвернулся от чаши с исходящим паром металлом и направился к выходу из комнаты.

— Мы не попытаемся снова? — спросил Ликомед.

— Похоже что нет, — отрезал Ктесий, и, не оглядываясь, переступил обереги на пороге и направился вглубь лабиринта отсеков к ядру корабля. Призыватель не был уверен, куда или почему он идёт, ему просто хотелось побыть одному и не чувствовать зуда подозрений у себя в голове. Двери открывались в ответ на его мысленные команды. Люди и мутанты-трэллы простирались перед ним ниц, однако он проходил мимо, даже не замечая их присутствия.

Всю свою жизнь он пользовался варпом, чтобы сбегать от смерти, получать искомое и сокрушать тех, кто желал ему зла. Он гордился способностью чётко видеть то, что было недоступно прочим. Вселенная больше не представляла для него тайны, или так, по крайней мере, он думал. У неё была только одна истина: жестокость. Пойми это, и больше ничто не сможет навредить тебе, обмануть или сломать. Вот только ей всё равно удалось найти способ. Прямо сейчас он угодил в ловушку того, чтобы следовать по пути, в который не верил, либо же не делать ничего. Третьего варианта не было. Никаких больше козырей в рукаве, никаких секретов, дожидаящихся своего часа. Их ждало уничтожение. Оставалось лишь уповать на то, что гордыня Аримана в действительности окажется оправданной, и их величайший колдун всё-таки отыщет способ спасти Тысячу Сынов.

Он громко хохотнул.

— Не хочешь поделиться шуткой?

Ктесий застыл при звуке голоса, только сейчас поняв, что позволил раздумьям увести себя далеко от привычных мест. Он находился в колоннадном зале, неосознанно избрав его своей целью, поскольку сюда не заходили смертные члены экипажа, да и другие чародеи были здесь нечастыми гостями. Это были руины храма, вывезенные с неведомого мёртвого мира и помещённые в недра корабля подобного какому-то ненужному органу. На широких основаниях высились выщербленные гранитные столбы, с вершин которых вниз скалились головы ящериц. Пьедесталы занимали примитивные статуи человекообразных существ с множеством рук и гладкими пирамидальными головами. Большие каменные плиты, покрытые крошечными кругами, стояли на полу подобно дверям, ждущим, пока их вставят в стены. Мэхэкта, сидевшая перед одной из них, поднялась на ноги.

Ктесий отшатнулся. Инстинктивное желание уйти отсюда было сильным, однако усилием воли он заставил себя остаться на месте.

— Шуткой? — переспросил он.

— Ты засмеялся, — заявила пария.

— Я понял, что мои мысли составляют мне наилучшее общество.

— Тогда прошу прощения, что потревожила их.

— Что ты тут делаешь? — спросил демонолог.

— Я слышала об этом месте. Хотела увидеть это. — Она указала на плиту. — Захватывающе.

— Поверю на слово.

— Ты читал, что тут написано?

— Немного, — ответил Ктесий. — Достаточно, чтобы понять, что дальше я не прочту ничего стоящего. Если только не захочу узнать, как кучка людей, отрезанных от технологий и знаний — и которые верили, что звёзды это всамделишные яйца, — представляла себе сотворение мира. — Он кисло улыбнулся. —

Конечно, ты можешь счесть это более ценным.

— Тогда зачем твои братья сохранили храм?

— Они слишком сентиментальны.

— Конечно... В отличие от тебя.

Призыватель кивнул, заметив промелькнувшую на гладком лице Мэхэкта улыбку, и отвернулся. Придётся поискать другое место для уединения. Он замер, затем повернулся назад. Неприкасаемая по-прежнему улыбалась.

— Кто ты такая? — спросил Ктесий. — Ты появилась одновременно с Пиродомоном. Ариман верит тебе, или, по крайней мере, высокого о тебе мнения, а Игнису известно нечто, заставляющее его ценить тебя, но вот остальные... — Он цокнул. — Мы-то ничего не знаем.

Мэхэкта вновь пожала плечами.

— Я — торговец истинами.

— Вот почему ты здесь? Ты продала Ариману сведения о ксеноартефакте, которым владели те Железорожденные ублюдки?

— Я продала ему сведения о ксеноартефакте, которые Железорожденные украли у нас.

Ктесий фыркнул и кивнул.

— Ну конечно. Вот откуда у тебя был ключ к охраняемому хранилищу, а также знание о ксеносе внутри психонейтрального куска кристалла.

Она склонила голову.

— Ну конечно.

— Что Ариман дал тебе взамен?

— Это скажет разве что он.

Ктесий на краткий миг сверкнул зубами.

— Ты сказала, что они отняли артефакт у «вас», — произнёс он. — Что ещё за мы?

— Я — торговец истинами, Ктесий, поэтому что ты предложишь мне взамен?

— Продолжение твоей жизни.

— Пустая угроза. Ты слишком сильно боишься Аримана, а все вы в слишком большом отчаянии и готовы сделать всё, лишь бы помочь ему спасти вас.

— От меня ты не получишь ничего.

— Значит, не видать тебе истины, Ктесий. Один честный ответ в обмен на честный ответ. Ты отдавал нерождённым куда большее за ложь. — Пария улыбнулась снова, и у демонолога невольно побежали по коже мурашки.

— Ладно, — сказал он.

Она кивнула, после чего вскинула подбородок, и, по-прежнему улыбаясь, провела пальцами латницы по щеке. Там, где прежде была гладкая кожа, возникло изображение: пара драконов, обвившихся вокруг пробитого черепа. Ктесий отёрнулся назад. Затем посмотрел на Мэхэктку уже по-новому.

— Ты Куратор, — прошипел он.

— Нельзя быть частью того, чего больше нет. — Женщина вновь коснулась щеки, и драконы пропали. Кожа стала гладкой и чистой, как прежде.

Ктесий кивнул, не сводя глаз с торговца истинами.

Кураторы... Большинство банд, сект и культов в Оке Ужаса существовали самое большее несколько лет. Кураторы были одним из немногих исключений. Воины, состоявшие в их рядах, некогда входили в разные легионы, но среди них встречались и другие, как люди, так и полулюди. Все они имели одинаковую одержимость: секреты. Кураторы собирали и копили их. От забытой истории до древних артефактов, они вызвали потаённые истины путём войны, пыток, шпионажа, колдовства и, в основном, торговли — другие силы в Оке покупали помощь Кураторов в обмен на собственные секреты.

Всё, что знали Кураторы, хранилось не на пергаментях или инфокристаллах, а в памяти инициатов, битком набитое в разум, защищённое фрагментами демонических имён и ритуальными мнемокодами. Поговаривали, что, собираясь, они делились тайнами друг с другом, а старшинство в их ордене определялось по тому, сколько каждому из них было, что рассказать. Кураторы считали это своим священным долгом, актом преданности некоему кретинскому своду принципов, из коего они сотворили себе идола.

В конечном итоге это послужило причиной их гибели. Когда достаточное количество военачальников стало всерьёз бояться того, что о них выведали Кураторы, страх подстегнул их к действию. Некоторые могли бы назвать случившееся войной, однако свершённое оказалось настолько стремительным, а после него сохранилось столь немногое, что ему приличествовало лишь одно название: чистка. Кураторы были уничтожены, их владения — стёрты с лица земли, а члены — выслежены до последнего человека. От них осталось лишь название, а также истории о секретах, которыми те обладали в изобилии. Теперь же, как оказалось, Ариман каким-то образом отыскал уцелевшего представителя ордена и совершил сделку. Ктесию стало любопытно, что же чародей пообещал ей взамен.

Мэхэктка кивнула, словно ощутив, что демонолог пришёл к логичному умозаключению. Пария отступила назад, затем оглянулась, и её лицо обрело мягкое и удовлетворённое выражение.

— Я рада, что мы встретились, Ктесий. Я надеялась, что у нас случится этот разговор. Я многое о тебе знаю, пусть даже раньше нас не сводили пути.

Ктесий ощутил, как у него зазудела кожа.

— Ты собираешься задать мне вопрос?

— Нет, — ответила женщина. — Пока нет. — Она отвернулась и зашагала прочь, цокая по камням до тех пор, пока не скрылась из виду.

Корабли Изгоев висели в открытом космосе. Все они несли на себе многочисленные шрамы войны и

изменений, оставшихся на память о странствиях в пучинах Ока Ужаса. Их было совсем немного, не более чем потрёпанная флотилия братьев — остатки великой армады, в которую они когда-то входили. Тут были космолёты, что в седую древность сражались в небесах над Террой. Военные корабли, созданные из остовов судов, унесённых течениями варпа. Корабли, украденные у врагов и закованные в серебро с бронзой. Все они собрались в сферу, медленно вращаясь друг напротив друга. В центре сферы находилось четыре звездолёта, трое из них — выстроившись треугольником вокруг четвёртого. Они назывались «Пиромонарх», оранжевое пламя свивалось вокруг трёх выступов его корпуса; «Шакал душ», покрытый серебряной обшивкой и обрамлённый призрачным свечением; и «Слово Гермеса», походивший на чёрный зубец из башен, толстых плит брони и орудийных батарей. Между ними дрейфовал «Гекатон». Корабль этот был восстановлен из обломков имперского звездолёта, давным-давно заблудившегося в имматериуме, и ныне о его прошлом напоминала разве что орлиная скульптура на носу. Кости его были сплавлены с железом и сталью, взятыми из остывших звёзд. Башни, купола и пирамиды вырастали хаотичным городом из его хребта и выступали с днища. В сиянии двигателей поблёскивали кристаллы и серебро.

Ариман и его Изгои собрались под крупнейшим куполом, высоко на замке-корме. Азек ощущал витавшее в комнате напряжение, просачивавшееся по телепатическим каналам связи с братьями. Сегодня его ждала самая сложная часть, та часть, в которой страху перед преследовавшим их роком предстояло встретиться с неопределённым будущим. А грядущее и впрямь вырисовывалось весьма смутно. Они лишились дара предвидения, что некогда направлял их действия. Теперь им придётся идти в кромешной тьме и надеяться, что по пути они не оступятся.

Закончив рассказывать о том, что им следовало сделать, он стал ждать. Помещение погрузилось в болезненную тишину. По телепатической связи между собравшимися мерцали тихие несформированные мысли. Ариман упорно хранил молчание.

Его братья стояли на серебряных дисках в центре зала, паря в пяти точках пентаграммы с Ариманом в самом её сердце. Гаумата возвышался в тёмно-синих доспехах, золотой пси-убор расходился над его обритой головой подобно капюшону кобры. В толще золота, обрамлявшего его латы, сверкали рубины и осколки агата. Меж ног чародея покоился моргенштерн с навершием из чёрного железа, а аура его походила на жёлто-оранжевое пламя, пышущее из жерла вулкана. Следующим был Киу, его броня изменилась после возвращения на Планету Чернокнижников. Синева сменилась серебряным и изумрудным цветом, а с плеч теперь ниспадал белый шёлковый плащ. На поясе колдуна болтался меч, за спиной висел топор, обе сущности, скованные внутри их лезвий, изнывали от жажды людских жизней. Ктесий опирался на посох, горбясь, несмотря на доспехи, по его сморщенной голове тянулись вытатуированные колдовские письмена. Игнис, по-прежнему в терминаторской броне, безмолвствовал, аура его присутствия походила на отбрасываемую горой тень. Гильгамос кутался в плащ из чёрных перьев поверх боевого облачения оттенка морских пучин. Глазницы колдуна были пустыми, их края испещряли старые ожоги от огня, что отнял его смертное зрение.

+Тебе следовало рассказать нам до нападения на Железорожденных,+ отозвался Киу. Его мыслеголос был сухим, сдержанным, однако в нём чувствовалась также неловкость. Ариман повернулся к нему. Брат встретился с ним взглядом, его аура напоминала калейдоскоп преломлённых цветов, ярких и острых, игл и лезвий гордости, пронизательности и мощи.

+За это я прошу у вас понимания,+ послал Ариман. +Мне требовалось убедиться.+

+И теперь ты уверен?+ поинтересовался Киу.

+Да,+ ответил Ариман.

+Многое зависит от осведомлённости отступника из сгинувшего культа, славившегося своим коварством,+ послал Киу. +Почему эта Мэхэкта не воспользовалась своими знаниями, чтобы ограбить мёртвых пришельцев самой? Если династы Гиксосов действительно настолько могущественные, какими кажутся, почему она не обобрала труп их цивилизации? Либо, как вариант, почему она продала сведения Чёрному Легиону или рабам Повелителя Железа?+

Телепатический канал затрепетал от смешка Ктесия.

+Это разве не очевидно?+ послал он. +Потому что ей нужны наши корабли, наши воины и наше отчаяние, чтобы сделать нечто глупое.+

+Нам следует ожидать предательства,+ добавил Гильгамос. +Этот путь усеян костями измены.+

+Если уж начистоту, то, имей мы дело с одними только честными людьми, как далеко бы мы зашли?+ заявил Ктесий. +Да и вообще, сколько из нас стояло бы сейчас в этом зале?+ Киу взглянул на демонолога, его лицо скривилось от раздражения, которого чародей даже не попытался скрыть. +Но я согласен.+

+В этом пути кроется потенциал,+ начал Гильгамос, +но ясности в нём нет.+

+Ясно одно — если мы не станем ничего делать, нас ждёт вымирание!+ прорычал Гаумата, оборвав послание брата. Он взглянул на Аримана, его аура окрасилась оранжевым цветом нетерпения.

Ариман ожидал подобного. Круг состоял из его братьев, и они следовали за ним ещё со времён, предшествовавших наложению первой Рубрики. Они были такими же разными, как многочисленные грани драгоценного камня, каждый из них отражал свой собственный цвет, но являлся частью единого целого. В эпоху до сожжения Просперо и войны против Императора многие легионы Космодесанта особо ценили в своих воинах схожесть образа мышления, чутья и повадок. С Тысячью Сынами всё обстояло иначе. Их примарх, Магнус Красный, заявил, что отдавать предпочтение согласию над разногласием — всё равно что возводить стены на пути знания и истины. С тех пор изменилось очень и очень многое, но отличия в характерах и мировоззрениях Тысячи Сынов остались прежними.

+Поступить неверно зачастую хуже, чем не сделать вообще ничего,+ послал Ктесий, не тая презрения в своём мысленном голосе. +Галактика усеяна костями мёртвых ксеносов. Альдари, кинебрахи, Старейшие — все они построили великие империи. Все они создавали великие и чудесные вещи, и всё же не сумели спасти себя. Однако мы должны поверить, что этот пришелец знает, как спасти нас?+

+Его вид некогда подчинил себе вещество и законы реальности,+ ответил ему Ариман. +Они вели войны, ставшие легендами для тех, кто пришёл после них. Они разбили оковы жизни и овладели секретами материи и, да, времени.+

+Пусть так, но труп несбывшейся мечты ещё не делает тебя хозяином этой мечты, либо той истины, которую она в себе несла.+

+Ты сомневаешься в моём слове, брат?+ поинтересовался Азек.

Ктесий медленно покачал головой.

+Не в твоём слове, Ариман. Сомневайся мы в нём, нас бы здесь не было. Я сомневаюсь лишь в источнике твоих знаний. Тебе нельзя доверять Мэхэкте. Она *Куратор*, а им нельзя верить ни в чём. Как

и ксеносу, что будет нашим проводником.+

По кругу прокатилась дрожь беспокойства.

+Доверие не требуется,+ ответил Ариман, обрвав послание спокойной властью. +И я больше никогда не попрошу вас следовать за мной вслепую. Видеть значит понимать, поэтому я покажу вам, почему избрал такой путь.+ Он передал мысленную команду Игнису. Татуировки Повелителя Разрухи на миг стали чередой параллельных линий, затем взвихрились мозаичной спиралью пентаграмм.

— Жертвенник, — промолвил он вслух. В конце комнаты открылась дверь. Круг чародеев повернулся к проёму, в который шагнул автоматон. Рядом с ним парила механическая платформа. Воздух под ней затуманивала антигравитационная дымка, верхнюю часть закрывал иссиня белый купол стазисного поля. На платформе лежала куча серо-белого песка, а рядом с ней — чужеродное устройство, хронометрон. Ариман ощутил, как остальные его братья мысленно зашипели. Все они знали, чем был этот прах.

Платформа остановилась возле Игниса. Ариман кивнул, и тот отключил энергетическое поле.

+Смотрите,+ произнёс Азек и послал приказ Игнису. Он почувствовал мимолётное, практически незаметное колебание второго чародея, прежде чем тот вытянул руку. Справившись с отвращением, магистр коснулся чужеродного металла. Его пальцы шелохнулись. Сверкнула вспышка, и время отмоталось назад.

Пыль собралась воедино.

Ещё одна вспышка, новый скачок, и пыль обрела форму.

Затем проступили линии и края, рука, наплечник, очертание личины шлема.

Вспышка, прыжок, и пальцы задвигались, наполовину сформированная голова задёргалась, делая хриплый вдох, и из расколотого визора посыпался прах. Рука потянулась к ним. Колдуны слышали в разумах судорожное шипение, с которым останки рубриканта попытались встать...

Не успевший оформиться доспех рассыпался обратно пылью. В воздухе повисла тишина. Игнис отпустил хронометрон.

+Это был...+ начал Гильгамос.

+И нотеллон,+ послал Ариман. +Тот, кого Пиродомон забрал в последний раз.+

Гильгамос кивнул.

+А это ксеностройство не может полностью изменить его состояние?+

+Не может,+ просто ответил Игнис.

+Но это возможно,+ отозвался Гаумата. +Мы увидели доказательство, и потенциал устройства нам ясен. Оно работает. Это начало. Большее понимание даёт большую силу. Так что теперь нам требуется понять его.+

+Функционирование данной темпоральной ксенотехнологии бесспорно,+ заявил Игнис. + Вывод, что потенциально её можно применить в большем масштабе, вполне обоснован. В этом утверждении я не вижу ошибочности.+

+Но ты не веришь в обещание, что она может стать нашим спасением?+ спросил Гаумата.

+Я не верю ни во что,+ послал ему Игнис. Его лицо превратилось в непроницаемую маску, татуировки сложились равномерной сеткой. +Я следую за прогрессией действий и фактов, а также за узором вселенной.+

+И что они тебе говорят?+ рыкнул Гаумата.

+Что мы не знаем, послужит нам эта сила во благо, или во зло.+

+Это не имеет значения.+ Послание Аримана было мягким, почти что холодным. Остальные посмотрели на него. +Вероятность измены, возможность обмана, всё это не имеет никакого значения. Важно лишь то, что мы замыслили, и что сделаем. Мы достигли границы своих знаний. На горизонте разгорается пламя изничтожения. Мы должны действовать. Если кто-то из вас видит другой путь, по которому мы ещё не прошли и не потерпели крах, пусть говорит сейчас.+ Тогда он посмотрел на Ктесия. Взгляд сковывателя демонов дрогнул. +Мы должны действовать, либо должны признать, что проиграли. Должны признать, что нашу судьбу не изменить. А этого я не приму. Мы должны нашим братьям, нашему легиону. У нас есть возможность исправить причинённый им вред, превратить время в слугу, и с его помощью вернуть наших братьев и легион обратно. Прихоти ложных богов больше не станут нам преградой. Повелители эфира, материума и времени, мы исправим ошибки прошлого, и заслужим своё искупление.+

Связь между братьями задрожала от призрачных эмоций: принятия, надежды и вопроса.

+А что дальше?+ спросил Гаумата, и Ариман ощутил в послании брата огонь голода.

+Этого будет достаточно,+ ответил он, затем оглядел круг настоящим и мысленным взором. +Мы пришли к согласию?+

Подтверждения последовали одно за другим: сначала от Гауматы и Гильгамоса, затем Игниса, Киу, и, наконец, Ктесия.

Ариман склонил голову.

+Благодарю вас, братья. Мы отправимся в путь, и сокрушим оковы времени.+

Члены Круга воздели руки, и форум наполнился светом и хором согласных голосов.

— Светом Терры и великой чистотой всего, что меняется, мы отправляемся в путь. — Сильван почти пропел слова, умащиваясь на трон. Когда-то он представлял собой люльку, но это, как и всё прочее, изменилось. Теперь он стал тронем, престолом для верховного слуги, отпрыска династии, а также того, кто не только знал истину, но лицезрел её воочию.

— Мы отправляемся, — сказал навигатор, нажав несколько клавиш на подлокотниках кресла и установленных возле него пьедесталах. Все они состояли из материала, выглядевшего как серебро, но иногда на ощупь напоминавшего тёплую кость. Кнопки таили в себе мягкость, однако никогда не бывали одинаковой формы и цвета дважды, когда он бросал на них взгляд. В этом, как и во всём остальном внутри и вокруг Сильвана, не было ничего странного. Наконец, навигатор устроился на троне, и ощутил, что с тех пор, как он сидел на нём в последний раз, тот успел подстроиться под изменения в его теле. Он посмотрел на своё потомство. Существа, плававшие в баках с жидкостью, прижались лицами к стеклу.

Третий глаз на лбу каждого из них был открыт, неотрывно глядя на него. Некоторые нетерпеливо двигали челюстями. Другие били хвостами, поднимая к поверхности пузырьки. Дыхательные мешочки раздувались, рюши и гребни из перьев пульсировали...

— Терпение... — прошептал он. — Терпение — благодетель святых и золото мудрых...

Эти потомки были самыми младшими членами его возрождённой династии. Сильвану нравилось держать их подле себя, пока они росли, частично потому, что так они учились быстрее, но ещё — он вынуждён был признать — ради общества. Он так долго жил один. По большому счёту ни Ариману, ни кому-либо из Тысячи Сынов не было до него никакого дела. Раньше была Кармента и бедный Астрей, но и тогда он не встречал представителей своего рода. Вот что было самым странным в навигаторах, пришёл он к пониманию: они появлялись на свет в результате близкородственных связей, после чего их лелеяли, обучали и держали в изоляции от окружающего мира. А затем отсылали прочь, обычно самих, оставляя один на один с Великим Океаном и кораблями, которые им предстояло вести по его течениям. Их всегда сторонились, часто ненавидели, а единственными близкими для них людьми были члены клана, увидеть которых им удавалось очень и очень редко.

Сильван пробыл вне Великого Океана дольше, чем мог припомнить хоть с каким-то подобием точности. Он прошёл сквозь границы известного, он выжил, и изменился как снаружи, так и внутри. Раньше он боялся этих изменений — того, как преобразовывается его плоть, как рассыпается рассудок, как он перестаёт понимать, были его воспоминания реальными или просто яркими цветками, произрастающими из дурных сновидений. Какое-то время Сильван считал себя проклятым. Впрочем, со временем он осознал, что заблуждался. Он не был проклят. Не был потерян. Он был благословлён.

Навигаторы дома Йешар никогда не отличались особой набожностью. Лишь немногие его представители искренне верили в заветы Имперского кредо, и старейшины рода предпочитали смотреть на их религиозные убеждения сквозь пальцы. Сильван узнал о вере в Императора Просвещённого от своей Верховной сестры и Кузины-наставницы, и с тех пор много раз, странствуя в Оке, находил утешение в молитве. Так было до тех пор, пока Сильван не встретил Аримана. После этого какое-то время утешение, что несла с собой вера, казались ему чистой ложью. Как можно говорить о Боге-Императоре, лицезря всё могущество нерождённых? Какой прок с защиты далёкого божества, когда он служил существу, способному изменять саму реальность? Навигатор впал в отчаяние, ибо боялся, что потерял свою душу, и что вскоре за ней последуют его разум и тело.

Позднее он понял, что правда была у него перед глазами. Великие Силы варпа, мощь Аримана и его легиона, Повелитель Человечества: они были суть одно и то же. Свет Бога-Императора и сияние варпа, Его защита — благословение перемен. Его труд и Его ангелы были не монументами рушащейся империи; они являлись чудесами имматериума. Броня презрения предназначалась не для сохранения от прикосновения варпа, но от серой реальности. Варп был светом. Он являл собой главенствующую реальность, тогда как физический план служил лишь его несовершенной тенью. Как только Сильван это принял, всё вдруг встало на свои места. Он понял, что обрёл одновременно и спасение, и откровение. Он постиг то, чего не удалось остальным. Никакой войны между Хаосом и Императором не было. Они представляли собой единое целое, лучи света, льющиеся сквозь разные стёкла одного большого лампона.

Поначалу он планировал сохранить откровение в тайне, но понял, что в секретности не было никакого смысла. В свете всё становилось явственным. Конфликт был не более чем иллюзией. Кроме того, Ариман и его братья обладали силами, делавшими любые потуги утаить что-либо ничтожными. Им открывалось всё, словно пред взором самого Императора. Ему не требовалось говорить об увиденной им истине вслух.

Они узрят её в нём и всё поймут сами. А, быть может, они уже знали и так? Возможно, именно эта великая правда заставляла Аримана не бросать попыток восстановить свой легион? Кто знает, может Ариман был возвышенным проводником, с помощью которого Империиум превратится в Империиум варпа, и всё разногласия преобразуются в озарение? Да, это более чем вероятно, а разве Сильван не был преданным слугой Аримана? Не волей ли судьбы, а вовсе не по случайности, тот вырвал его из прошлой жизни? Не прожил ли он так долго ради того, чтобы постичь, наконец, истинное устройство вселенной? Да, никаких сомнений быть не могло.

Он потянулся к выступавшему из трона каналу нейросвязи. Серебряный шип и тянувшийся от него кабель покрывала блестящая плёнка. Навигатор поднёс его к голове и вставил в порт на виске. Нервные окончания обожгло болью. Сквозь череп как будто прокатился огонь и холодная вода. Смертный взор померк.

Первой появилась связь с варп-штурвалом корабля. На инфодисплеях и экранах вокруг трона зажглись калейдоскопы символов. Он ощутил рычание варп-двигателей словно биение второго сердца. Затем, медленней, подобно поднимающимся к поверхности озера пузырькам, открылось зрение через глаза его потомства. На всех ключевых звездолётах Изгоев они лежали в люльках или плавали в баках с жидкостью, соединённые со своими кораблями и самим Сильваном, главой их рода. Такая связь с семейством стала подарком ему от Тысячи Сынов, которая позволяла навигатору управлять не одним кораблям, но вести их всех. Это было настоящее чудо, пусть и не настолько восхитительное, как само его потомство. Они были его детьми, сотворёнными из тела Сильвана с помощью знаний, купленных Ктесием у ткачей плоти. Раньше он бы счёл, что в своих действиях Тысяча Сынов руководствовались эгоистичным желанием получить надёжное средство для навигации в варпе, однако ныне навигатор так не думал. Это был дар и акт доброты. Некоторые потомки не пережили процесс сотворения, но утрата его не огорчила. Всё это было частью цикла, и плоть погибших послужила материалом для создания новых отпрысков. Он получил свою семью. И разве не было это очередным свидетельством тому, что он не проклят, а наоборот, благословлён? Он выжил. Он вознёсся и узнал священную истину, а теперь и вновь обрёл утраченную родню, так что теперь мог видеть их глазами, а они — его.

Связь окрепла, его зрение разбилось на facets. Восприятие Сильвана охватило всех детей до единого. Наверное, подумал он, это и означало видеть глазами Бога-Императора.

Рык варп-двигателей перерос в тихое урчание, ознаменовавшее готовность «Гекатона». Корабли флота собрались и ждали приказа. Информацию о точке назначения уже поместили в разум Сильвана. Всё пребывало в совершенной гармонии. Теперь они отправятся в мир, которому принадлежали, в глубины Великого Океана, дабы поплыть по течениям, кои были дыханием и кровью богов. Корабль пришёл в движение. Варп-двигатели затянули песнь ножей, вспарывая реальность. Навигатор нажал кнопку, открывающую заслонку на круглом иллюминаторе его убежища. Металлические листки сложились в стену.

Внутри хлынуло сияние варпа. Сильван ощутил его на своей коже, почувствовал, как присоски на шее открылись подобно бутонам, встречающим рассветное солнце. Он втянул воздух через затрепетавшие на спине и груди жабры, и вобрал его в горловые мешочки. На секунду он позволил себе взглянуть на имматериум смертными глазами, и ощутил, как в них лопнули капилляры, а из уголков брызнули едкие слёзы.

— О святейший, о высочайший, твой слуга благодарит тебя за великолепное зрелище, — ахнул навигатор. Многочисленные веки, прикрывавшие его варп-око, одна за другой раскрылись. Он узрел. — Восхитительно, — промолвил Сильван, и корабль нырнул в пучины эфира.

В тишине Клетей безмятежности Гелио Исидор наблюдал за вращающимися вокруг него бронзовыми обручами. Каждый раз, когда они проходили друг мимо друга, на них вспыхивали знаки. Он моргнул. Узоры, которые своим движением создавали кольца, были столь же прекрасны, как отметки и символы на их поверхностях. Он понятия не имел, что они означают.

— Гелио Исидор, — произнёс он вслух. Он ощутил слова на языке, прежде чем рот сложил их в звуки. Он знал, что значили эти звуки: его имя. Их он понимал. Понимал он и то, кто он. Он был своим именем. Его имя было им. Если бы он не был Гелио Исидором, то был бы кем-то совершенно другим. — Гелио Исидор. — Он улыбнулся.

Он смотрел, как вращаются обручи, а на них загораются знаки. Он не знал, что в них говорилось, но смысл их понимал. Гелио знал, что означает и вращение колец, и создаваемые ими узоры, и их формы, и то, как они движутся. Он понимал их.

Он поднял руку, и, ничего не говоря, произнёс что знал.

Обручи остановились. Вырезанные в бронзе пылающие символы померкли. Секунду он просто сидел. Ничего не двигалось. Гелио понял, что тот, кто бы ни создал отметки и привёл кольца в движение, должен был узнать, если те вдруг перестанут делать то, что делали. Понял, каким именно образом это должно произойти. Понял, насколько иным станет будущее, если кто-либо узнает, что он только что сделал.

Он решил, что этого не случится. Никто не узнает. Он принял решение, поэтому так оно и будет.

Гелио сидел в неподвижности, прислушиваясь к тишине зала и шуму за его стенами. Мысли, голоса, жизни. Их звучание походило на потрескивание огня.

Спустя какое-то время он решил вернуть всё обратно.

Он поднял руку. Отметки загорелись снова, и обручи стали вращаться как раньше.

Звук внешнего мира, так напоминавший огонь, стих. Он остался наедине с ощущением текущего сквозь него времени, а также звуком одной мысли, снова и снова раздающейся у него в голове.

— Я — Гелио Исидор, — повторил он вслух, после чего улыбнулся.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПУТИ ПОТЕРЯННЫХ

ГЛАВА V

ДОЛЬМЕННЫЕ ВРАТА

Под кораблями Изгоев висел пустой мир. Полюса его венчали снежные шапки. Над поверхностью неистовыми бурями взвихрялись серые тучи. Сильван видел клочки чего-то, напоминавшего жуткие чёрные океаны, а также рябь среди облачного покрова в местах, где из земной тверди выросли горные

пики.

— Никаких кораблей, никаких обломков, ничего, — прошептал он.

— Это потому, что сюда никто не заходит.

— Мне не нравится... — Навигатор ощутил, как его язык силится выговорить слова. Ему казалось, будто тот тоже успел видоизмениться. — Я хочу уйти, — выдавил наконец он.

— Ещё бы, — согласилась Мэхэкта. — Это место дважды принадлежало покойникам. Сначала расе, которую некоторые зовут альдари, потом их заклятым врагам. Теперь мир навсегда ничейный. Его не смогут занять даже величайшие из военачальников и могущественнейшие из демонов. Эта планета — усоленная земля, и существует она лишь потому, что здесь находится дверь в паутину, что вьётся меж миров и звёзд.

— Кокит, — с дрожью в голосе выговорил Сильван. — Верховье реки, текущей в ад...

Мэхэкта рассмеялась, заставив мужчину невольно вздрогнуть.

— Ты уже в аду, навигатор. Ты один из проклятых. Здесь не вход в царство страданий. Тут — выход. — Она обернулась к Сильвану, широко улыбаясь под безликим медным шлемом, что скрывал её глаза. — Твоё заблуждение мне понятно. Пропавшие души из подземного мира считают, будто за воротами в рай их будет ждать лишь ужас и мучения. — Пария хохотнула снова. — И они будут правы.

Сильван отвернулся, по-прежнему дрожа. Чудовище пришло в его покои по приказу Аримана, и он никак не смог этому помешать. Он подумал было взмолиться перед чародеем, но едва эта идея пришла ему в голову, навигатор понял, что Ариман не только предвидел такую его реакцию, но и прочёл её в мыслях Сильвана. Для Аримана не оставалось никаких тайн, теперь уж наверняка — его взор не ведал границ. От него ничего нельзя было утаить. Сильван знал это. Поэтому он придумал возражения и просьбы прежде, чем успел облечь их в слова. Впрочем, радостней ему не стало. Нет, он не знал радости с тех самых пор, как... Он не был уверен. Вот в чём таилась проблема всего происходящего. Обретенные им равновесие и утешение рушились на глазах, а ясность и безмятежность, что они с собой несли, распались следом. Навигатор ощущал, как под кожей меняются его плоть и кровь, будто откликаясь на обуревавшие его чувства. Сначала, пока флот ждал, Сильвана мучило бездействие, однообразная неподвижность и манящий зов Великого Океана в разуме. Затем, когда они наконец отправились в плавание, путь привёл их к этому пустому безжизненному миру и противоестественному спокойствию, что расходилось вокруг него громче любого звука. А теперь ещё это чудовище, которое ему довелось впустить в свои покои, и теперь останется с ним для последней и наихудшей части того, что ему было велено сделать.

— Эта... паутина, что с другой стороны, — начал он, поковыляв к трону, чтобы оказаться от парии как можно дальше, притом не сбегаая из комнаты. — Если она не в реальности, и не в варпе, то как я поведу нас через неё?

Пария подошла к продолговатой шкатулке, которую принесла с собой, и подняла так, чтобы навигатор увидел её содержимое: яйцеобразную зелено-черную субстанцию размером с кулак. Предмет мог состоять из металла или камня, либо же из чего-то совершенно иного. Его поверхность и сердцевину испещряли линии и бороздки, и чем дальше Сильван смотрел на них, тем сильнее они напоминали ему застывшее в янтаре насекомое, сложившее лапки под брюшным панцирем. Зрелище оказалось не самым приятным. От предмета не исходило никаких резонансных колебаний. Ему крайне не хотелось

прилагиваться к нему, но мужчину не покидало чувство, что как раз это от него и собирались потребовать.

— Этот предмет был у ксеносущества? — спросил он, сцепив пальцы внутри рукавов одеяния.

— Именно так.

— И он проведёт нас?

— Нет. Это сделаешь ты. Паутина не похожа на сеть пролегающих под городом туннелей, она реагирует на тех, кто идёт через неё. Это река, и дорога, и лес. В определённом смысле она живая. Пути никогда не бывают одними и теми же. Они движутся и меняются в зависимости от того, кто проходит по ним, и куда они намерены попасть. Я полагаю, что достичь правильного места сможет тот, кто не только знает, где оно находится, но и очень этого хочет.

— Не похоже это на предположение.

— Часть своей жизни я посвятила поиску знаний, так что хорошо понимаю разницу между предположением и уверенностью. Поведанное тебе я узнала из уст самих альдари, и некоторые из них даже были ещё живы. У меня есть определённый опыт, позволяющий отчасти верить полученной информации, но знание без чёткого подтверждения ничто иное как догадка.

— Говоришь прямо как один из Тысячи Сынов.

— Они научились думать, но мышление изобрели не они. У учителя может быть много учеников.

— Значит, ты родом из Империума, да? — жадно спросил Сильван, уловив за словами тень недосказанности.

Мэхэкта не ответила, вместо этого проведя пальцем по брюшку предмета в шкатулке.

— Полагаю, когда мы войдём в паутину, этот предмет откликнется. Заложенная в нём природа заставит его тянуться к дому, центру, из которого он родом.

— Как-то мать рассказывала, что когда древние корабли терялись в море, матросы выпускали из клеток птиц, после чего следовали за ними к ближайшей суше.

Мэхэкта медленно моргнула.

— Да, нечто вроде того, — сказала она и постучала по предмету. Тот издал глухой писк, от которого у навигатора заныли зубы. — Он, однако, похож на меня, поскольку инертен в варпе, так что паутина на него не среагирует. Чтобы последовать за ним, потребуется душа, которая услышит его зов и станет нашим живым проводником.

— Я, — понял Сильван.

— Ты, — подтвердила Мэхэкта. — Паутина — не просто сеть, но также метафора и головоломка. Ты родился, чтобы решать подобные загадки, чтобы прозревать и улавливать нужное направление. У тебя яркая душа. Отточенные инстинкты. За счёт этого ты станешь нашим поводырём.

Он безрадостно хохотнул. Его потомки, доселе лежавшие, свернувшись в баках, отвели глаза от неприкасаемой и принялись озираться по сторонам.

— Не знаю, был ли я прав раньше. — Он ткнул пальцем на предмет в коробочке. — Не уверен, это ли... создание та самая птичка в клетке, отчаянно пытающаяся достичь безопасности, или же я сам.

Мэхэкта промолчала. Отпрыски вновь отвели взоры, уютившись возле дальних стенок своих обиталищ.

— А что насчёт альдари? — спросил он по прошествии нескольких мгновений тишины. — Они считают паутину своей, и я знаю, что они не пускают чужаков на свою территорию.

— Они могут встать у нас на пути. А может и нет. Может, они даже не узнают о нас. Сплетение путей настолько огромно, что умирающая раса неспособна уследить за ними всеми.

— Ты предполагаешь, или знаешь? — спросил Сильван. Пария снова не ответила. — Я бы хотел... — начал навигатор, но осёкся. — Думаю, мне нужно взглянуть на предмет, устройство, или что это такое. В смысле своим... взором. — Он поднял руку, словно намереваясь коснуться третьего глаза.

— Тогда вперед, — позволила женщина.

— Просто... будет неразумно, чтобы ты оставалась здесь, пока я... смотрю. — Сильван облизал губы. Внезапно он понял, что под языком у него появились присоски, и поспешил спрятать его обратно в рот. — Око таких как я, может.... Если ты заглянёшь в него... оно может тебе навредить. Даже убить.

— Почему ты думаешь, будто это со мной случится?

— Варп. Думаю, ты увидишь то же, что вижу я, а для большинства это слишком тяжёлый опыт.

Мэхэкта склонила голову, пристально буравя его серыми глазами из-за шлема.

— Ты мне не навредишь, — сказала она. — Варп не видит меня точно так же, как я не вижу его. Поверь мне.

Сильван заколебался, затем откинул серебристую вуаль с лица. За последнее время его третье око обрело несколько слоёв век. Он открыл их и посмотрел на предмет. Тот оказался пуст. Тускло-серый силуэт, окружённый расплывающимся вокруг него многоцветьем варпа. Узоры потоков, однако, заинтересовали навигатора, поскольку ничего подобного он прежде не видел — волны энергии, казалось, при отражении от предмета неизменно расходились одинаковым образом. Зрелище было не самым приятным, чем-то схожим со скрежетом ножа по точильному камню.

Сильван встряхнулся, и уже собирался закрыть око, как вдруг застыл. Он посмотрел на Мэхэctu. Там, где ему следовало увидеть хоть что-то, была лишь рваная пустота, чьи края словно растягивали протекающий через комнату неоновый поток. Навигатор невольно ахнул от изумления. Обычными глазами он увидел, что пария глядит на него, и не просто на него, но в само третье око.

— Прости, — быстро сказал он, суетливо отворачиваясь от женщины.

— Я же сказала, что ты мне не навредишь.

Он кивнул, решив было повернуться обратно и попросить её уйти, чтобы провести хоть немного времени в спокойствии, прежде чем приступить к новой работе, но промолчал. Он посмотрел на Мэхэctu ещё раз, встретившись варп-оком с её серыми глазами.

— Что ты видишь? — с почти детским любопытством спросил Сильван.

— Глаз, — ответила неприкасаемая. — Чёрный, огромный, без радужки и зрачка. Больше ничего.

— А там? — Он кивнул на иллюминатор, за которым космос затмевало ярящееся и вспучивающееся Око Ужаса. Сильвану оно напоминало вечно беспокойную бурю цветов и света. Звёзды мерцали среди клубов розовых испарений, свивавшихся в мимолётные образы оперённых и чешуйчатых тварей. Пылинки света взрывались тонкими золотистыми сетями и распадались обратно в холодную черноту. Кроме того, он и слышал его. Не ушами — или, по крайней мере, навигатор не слышал его, когда отводил взгляд. Звуки, подобные доносимым пустынными ветрами голосам, грохоту накатывающего на камни моря, протяжному воплю в ночи, на который немедленно следовал отклик. Сильван знал, что если отвернётся, а затем посмотрит снова, картина станет иной. Так случалось всегда.

Он вздрогнул. Раздался шорох одежды. По щеке скатилась единственная слезинка. У него во рту возникли слова, вертясь на кончике языка.

— Я вижу чудо вечности и возможности. Бесконечность... Там есть всё. Всё, чего я хотел, всё, что я потерял. На самом деле ничто не исчезает. Оно всё там. Ты видишь это... — Навигатор посмотрел на Мэхэкту, которая наблюдала за ним всё время, пока тот пребывал в раздумьях. — Ты же видишь?

Пария взглянула в иллюминатор.

— Я вижу пару-тройку звёзд, меньше, чем следовало бы, и космос.

— И всё? Больше ничего?

Женщина покачала головой.

— Я не вижу призраков или плодов воображения. Я вижу только то, что там есть на самом деле. Суровую истину, а не грёзы.

Навигатор моргнул, многочисленные слои век последовательно закрылись и раскрылись обратно.

— Мне жаль, — произнёс он.

— Не нужна мне твоя жалость. Возможно, в прошлом и да, но теперь, после всего увиденного, я рада, что не страдаю как другие.

Затем, без предупреждения, она вскинула руку и коснулась его щеки. Сильван оказался слишком потрясён, чтобы отстраниться. Пальцы неприкасаемой будто пронзили его кожу ледышками. Он ощутил инстинктивное желание оттолкнуть женщину и убежать прочь, подальше от неё, от серых глаз, не видевших ни чуда, ни истины, ни обещаний Вселенной. Ничего, один только холод, безразличие жизни и смерти, конец без надежды на продолжение. Ему следовало убраться от неё до того, как всю найденную им красоту, всю истину и чудеса затаянет водоворот. Сильван почувствовал, как в нём нарастает крик, усиливаясь подобно рёву машины, несущейся по туннелю к далёкому пятну света.

Мэхэкта убрала ладонь, и навигатор вздрогнул от облегчения.

— Скоро они отпрут врата, — сказала она. — Ты должен быть готов.

Навигатор кивнул, на краткий миг снова закрыв все глаза. Он ощутил, как из канальцев вдоль хребта выходит воздух. Впереди его ждало точно то же, что и всегда: плата за шанс на продолжение жизни. Он пришёл к пониманию, что в его случае выживание означало нечто гораздо большее. Вот почему он был здесь, почему до сих пор жил — потому что не имело значения, что от него попросят, лучше жить с надеждой на жизнь, чем в страхе кануть в ничто. Сильван открыл глаза и вновь посмотрел на яйцеобразный артефакт внутри ларца. Усилием воли он заставил себя протянуть к нему руку. Его

пальцы не желали раскрываться. В голове навигатора возникла мысль, заставив его замереть.

— Это... существо. Сейчас оно неактивно, но когда мы минуем врата оно должно будет функционировать, реагировать, как ты выразилась. Если оно... связано, скажем так, с тем ксеносом, которому принадлежит, то не придётся ли нам тогда разбудить заодно и его?

Мэхэкта кивнула.

— Да, — ответила пария. — Придётся.

Игнис смотрел в горящие сквозь корку ведьмовского льда глаза Сетеха. Ксеноса переместили в Клеть безмятежности в недрах «Гекатона», куда не имел доступа никто, кроме Тысячи Сынов и их самых доверенных слуг. До того как его извлекли из кристаллической тюрьмы, тот находился в состоянии дрёмы. Внутри него не было ни силы, ни энергии, и не происходил даже медленный распад неустойчивых атомов. Теперь же он буквально звенел от заключённой в нём мощи. Даже несмотря на то, что пришелец оставался неподвижным, Игнис всё равно ощущал её, будто гармонический призыв на самой границе слышимости.

Они упрятали пленника в один из таинственных механизмов камеры. Обручи из бронзы и меди вращались вокруг ксеноса, удерживая его в воздухе и одновременно не пропуская к нему света и тепла. Сам Игнис охотно раздавил бы его до размеров зёрнышка. И сделал бы это медленно. Впрочем, такой вариант был ему уже недоступен — к добру или к худу, они нуждались в содействии чужака. И всё же, как бы то ни было, Игнис не собирался ослаблять мер заключения. Да, он предоставил им сведения и не делал открытых попыток выбраться на свободу. Но всё это было не более чем иллюзией.

Сетех следил за Игнисом сквозь сковывавший его лёд. Он прозондировал удерживавшие его эффекты анафемы и нашёл их отличительно могущественными. Он тайком преобразовывал окружающую реальность. Молекулы изменялись. Измерения складывались. Лёд становился металлической пылью. Затем и пыль, и лёд, испарялись. Он пока не выяснил границ своих оков, но рано или поздно найдёт их. Пока что не было нужды вырваться прямо сейчас. Его возможности всё ещё оставались весьма ограниченными. Впрочем, время придёт. До тех же пор он был волен наблюдать и изучать новый мир, в котором пробудился. Сетех задавался вопросом, догадывалось ли существо по имени Игнис, чем именно занимался его пленник.

Игнис удерживал мысли в равновесии. Рядом с ним неподвижно ждал Жертвенник, не сводя заряженного орудия с цели. Он ощутил, как часть левой руки ксеноса рассеялась, и тут же попытался поймать её своим разумом. Игнис сковал её сразу, едва та возникла обратно. С каждым микросмещением ему приходилось предсказывать, где пришелец окажется в следующий раз, а также каким именно образом он появится, и соответственно менять телекинетическую хватку. Пока он справлялся с задачей, но понимал, что вечно так продолжаться не могло. Проекция, которым он следовал, чётко говорили, что, имея достаточно времени, существо выберется на свободу, но в этот ограниченный период он сможет удержать чужака и изучить его возможности.

Игнис ощутил очередное смещение и уже начал готовить волю и разум, чтобы дать ксеносу отпор, как тот вдруг остановился. Стоявший возле него Жертвенник издал стрёкот кода. Глаза чужака вспыхнули ярче.

— Ты подошёл к двери, — произнёс Сетех, опустив голос почти до шёпота. — Ты нашёл замок и провернул ключ. — Магистр не ответил, продолжая наблюдать за ксеносом сквозь вращающиеся обручи клетки. — Я чувствую это. Возможно, так же, как ты чувствуешь применение своих экстрапространственных способностей. Наше путешествие продолжается. Ты проявил чуть больше мастерства, чем я ожидал.

Игнис заглянул в горящие холодным светом глаза ксеноса и не ответил. Он ощутил, как под ногами задрожал палубный настил, когда двигатели корабля принялись наращивать тягу.

Ариман чувствовал дрожь самолёта, падающего сквозь пелену облаков. Данные о высоте пульсировали золотым на краю дисплея шлема. Он ощущал, как сжимается его разум. Эфирное чутье, пытавшееся прозревать окружающий мир, отражалось от медленно сжимавшегося свинцового присутствия, оттеснявшего чувства и мысли чародея назад в тело. Аура исходила от планеты, к которой они летели. Внизу ощущались пустота, холодная, безжизненная пустота. Они будто погружались в глубочайшие пучины афотической зоны, где исчезали последние намёки на свет, а давление становилось неодолимой всеокрушающей силой.

— *Прямо как в старые времена, Азек.* — Он резко оглянулся, приготовившись увидеть в маг-сбруе возле себя облачённого в доспех человека с болтером в руке, глядящего на него с улыбкой в глазах. Стойка оказалась пустой. Ктесий посмотрел на него из другого конца отсека, вопросительно склонив шлем. Ариман в ответ покачал головой и начал приводить мысли обратно в равновесие.

Они стремительно снижались. Колдун ощутил, как самолёт круто лёг на борт, входя в спираль. Огоньки готовности, мигнув, стали янтарными. Ариман высвободился из маг-сбруи и поднялся на ноги. В отсеке, кроме Ктесия и Ликомеда, больше никого не было. Они не стали брать с собой рубрикантов, поскольку не знали, как те отреагируют на омертвляющую ауру планеты. Единственным предметом на борту корабля был принадлежащий Сетеху жезл. Он лежал в гусеничном ларце, закрепленный на месте с помощью пластальных хомутов.

— *Приближаемся к месту назначения,* — раздался из встроенного в шлем вокса голос пилота. — Источники тепла, движения и энергии не обнаружены.

Ариман посмотрел на скипетр. Тот горел. Глубоко в вырезанных на рукояти канавках плескался, оживая, призрачный зелёный свет.

— Сади нас, — сказал Ариман в вокс.

— *Как прикажете,* — ответил пилот. Десантный корабль ускорил падение. Чародей ощутил, как тьма все сильнее обволакивает его мозг, заталкивая восприятие в самые глубины сознания, туда, где не было света, а один лишь мир забвения. И откуда-то с задворков разума пришло воспоминание о голосе, который, как ему казалось, он уже слышал раньше.

— *Прямо как в старые времена, Азек...* — Голос, что обратился к нему в воображаемой пещере уединения на борту «Гекатона», голос, которому не следовало звучать ни там, ни здесь, голос, который он знал, однако не мог ни узнать, ни вспомнить.

Освещение в отсеке мигнуло и стало зелёным. Самолёт резко затормозил, зависнув в воздухе на одних только работающих маневровых двигателях, после чего распахнул передний люк, явив серый свет и дождь, а затем медленно опустился на землю.

— Что-то не так? — спустя мгновение спросил Ктесий.

Ариман покачал головой.

Железо, сланец, гранит, туман и грозовые тучи окрашивали исхлестываемый ливнем мир в тусклые монохромные цвета. Перед ним раскинулся залитый водой пляж, протянувшийся между чёрной грядой и клокочущим серым морем, сливавшимся вдалеке с небом. Дождь лил сплошной блеклой стеной, барабана по доспехам. Из-за облачного покрова показался второй самолёт и пронёсся вдоль береговой линии, прежде чем сесть неподалёку. Мэхэкта выпрыгнула из единственной двери и зашагала по пляжу в их сторону. Ктесий и Ликомед встали возле Аримана. Между колдунами катился ларец с закреплённым на нём скипетром.

— Они тут? — спросил Ктесий, указав на теряющуюся в ливне гору и тучу над ними.

— Нужное место должно быть рядом, да, — отозвался Ариман.

Он посмотрел на гору. Склон с их стороны был тёмно-серого грифельного цвета, крутые утёсы и кражи исподволь источила эрозия, в результате чего пляж под ними усеивали рухнувшие каменные глыбы. От колдуна не укрылась геометрическая последовательность в форме обломков, от наибольшего до наименьшего, словно их структура была фрактальной, переключаясь между собой на микро- и макроуровнях. Он перевёл взгляд на кусок скалы, валявшийся почти у самых ног, и велел ему подняться в воздух. Тот затрясся на месте, разум и воля чародея попросту соскальзывали с поверхности камня. Эфир был отсюда далёк, и его сила здесь совершенно не ощущалась. Азек сузил мощь разума в сфокусированное остриё, и булыжник, вращаясь, взмыл на уровень глаз. По форме он оказался почти идеальным полиэдром. Почти.

— Впечатляет, — заметил Ктесий. — По словам Куратора, этот мир должен быть инертен в эфире.

— Так и есть, — ответил Азек, повернувшись обратно к горе. Полиэдр упал на землю. — Он подобен камню посреди реки. Достаточно сильное течение сможет немного сдвинуть его, но разбить или захлестнуть — едва ли. Оно и понятно — паутина создана в исходящей от варпа гармонии. Если собираешься проделать дверь в эфир, она должна быть соединена с естественным магнитом. Вся планета и есть такой магнит.

Отряд вошёл внутрь горы, следуя по узкому ущелью, тянувшемуся от пляжа. По стенам с обеих сторон стекал дождь. Серый небесный свет стал теряющейся в выси полосой. Ариман шагал первым, пробираясь между упавших валунов, ступая по давно стёршимся ступеням, едва угадывавшимся на дне теснины. Он отметил, что внутри отсутствовала какая-либо растительность, не было даже мха и лишайников. Монотонный стук капель по скале не нарушался криками зверей. Колдун чувствовал, как по мере углубления в гору сужается круг его воли, пока не остался лишь звук собственных мыслей у него в голове. Связи между тайными мыслями и варпом истончались, становясь невесомой пряжей. Шорох накатывающего на берег моря давно стих. Он ощущал, что частичке его хочется кричать.

Они шли дальше, шаг за шагом, пока не миновали каменный отрог и увидели наконец то, ради чего пришли. Стены ущелья расходились в стороны, образуя пространство, которое Ариман смог бы пересечь за десять шагов. В центре его вырастали многоугольные колонны, высочайшая из которых с виду напоминала дверь, достаточно широкую, чтобы через неё смогли пройти плечом к плечу два человека.

— Это они? — спросил Ктесий.

— Они ещё работают? — хмыкнул Ликомед. В голосе ученика демонолога чувствовалась неуверенность, которую тот попытался скрыть под спокойным тоном.

— Единственный способ узнать, откроется ли замок — повернуть ключ, — отозвался Ариман, доставая из ларца скипетр. Артефакт был лёгким, почти невесомым; у чародея возникло чувство, что он смог бы согнуть его одними пальцами, но если бы он ударил им по одному из блоков, то наверняка первым расколосся бы камень. Свет, текущий в канавках на рукояти, теперь уже сиял. В поверхности скалы засверкали кристаллические крупы, когда он поднёс к ней жезл.

— Сведения, которыми мы обладаем по работе врат, не точны, но...

Ариман повернулся по кругу. Жезл ощущался холодным присутствием у него в руке, словно вобрав в себя неживую атмосферу планеты. Практически лишившись связи с эфиром, его разум чувствовался маленьким, ограниченным тусклыми примитивными мыслями и умственными процессами. Но эти мысли и мозг, в котором они таились, были вовсе не примитивными. Всех их Азек избрал, вышколил, усилил и превратил в оружие, способное разрезать ткань мироздания. Намётанным взглядом он определил формы и углы каменных блоков, в сознании одна за другой всплывали идеи, факты и вероятности, комбинируясь друг с другом, разрастаясь и распадаясь снова по мере прохождения сквозь решето всё более и более логических умозаключений. Ему потребовалась секунда, чтобы понять принцип работы механизма.

— В секретах есть своя ценность, — промолвил он, шагнув мимо Ликомеда с Ктесием к колоннам, формировавшим подобие двери. — В том, что спрятано, в том, чего мы не видим. — Ариман окинул взглядом камень и поднял жезл. — Они дают защиту, и силу. Мы это знаем, и существам, построившим данное место, это также было известно. Своё знание они воплотили в этом творении, но их мышление имело изъян. Они считали себя выше прочих, что никто не сумеет постичь их гениальность. Они были правы, до определённого момента, но подобное высокомерие терпит крах не в больших вещах. Это случается в местах, которые незаметны на первый взгляд...

Чернокнижник на секунду замолчал, взглядом отыскав равноудалённую от столпов и стен точку. Затем воздел скипетр в воздух между колоннами. Ничего, лишь блеск линий в металле жезла, отражающийся от кристалликов в скале. Азек отступил назад. Он мог бы...

— Они боялись тех, кто использовал эфир, и боролись с ними всеми силами. Царство анафемы, как назвало его это существо, Сетех. Они боялись и ненавидели его, и, как со всем, чего опасается человек, оно поглотило их мысли настолько, что они перестали видеть что-либо ещё. Они создали это место для выполнения своей функции и чтобы лишать врагов их оружия. Они считали, что если кто-то не из их рода попытается открыть врата, то сделает это с помощью варпа. Какой-либо иной вариант казался им невозможным, а то, что кажется невозможным, и станет тем изъяном, который обрушит всю конструкцию...

Ариман вглядывался в пространство между колоннами, не позволяя чувствам и разуму видеть то, что перед ними якобы находилось, но заставляя узреть, что там было на самом деле... и протянул скипетр. Металл ударил о камень. Там, где прежде ничего не было, теперь возвышалась колонна, вздымаясь к поперечному блоку, который держали на себе два других столпа. Вместе они образовывали неровную арку с тремя проёмами. В центре скального пола образовалось отверстие, не шире болтерного снаряда. От него расходились вырезанные линии, соединяя между собой окружности и полукруги.

Ликомед удивлённо отступил назад.

— Они разве здесь были прежде? — спросил он.

— Они были тут всегда, — ответил Ариман. — Но для того, чтобы их заметили, на них должен был смотреть более чем один наблюдатель.

— Пространственное фазирование, — догадался Ктесий. — Две физические реальности сосуществуют в одной точке пространства и времени, разделённые восприятием наблюдателя. Я уже сталкивался с этой концепцией, видел фрагменты связанных с ней теорий, но чтобы создать нечто подобное, не используя эфирных средств... — Азеку почудилось едва ли не уважение в голосе демонолога, медленно качающего головой.

— А теперь, — сказал Ариман, — давайте узнаем, сможем ли мы повернуть ключ.

Он вставил остриё скипетра в дыру на полу. В линиях и бороздах вспыхнул зелёный свет. Разум Аримана встряхнулся, словно от раскатистого звона громадного колокола. Он погрузил жезл глубже. Свет начал растекаться по камням, устремляясь вдоль узоров, что доселе скрывали в себе стены ущелья. Земля задрожала. Скипетр поднялся из отверстия и завис в воздухе, а зелёный свет тем временем разгорался всё ярче. Ариман взял артефакт обратно в руку и огляделся.

— Нужно идти, — произнёс он. — Врата открываются, и когда это случится, мы должны быть на орбите.

К тому времени как они достигли самолётов, море отступило от берега. Полоска серой воды виднелась теперь у чёрного, ничем не нарушаемого горизонта. Из морского дна вздымались каменные колонны, на которых горел зелёный свет. Дождь прекратился, и тучи постепенно расходились. Во тьме сияли звёзды, холодные и яркие, совершенно не такие, какими они казались в Оке Ужаса. Ариман чувствовал, как свинцовая тяжесть мира меняется, смещаясь подобно поворачивающемуся великому колесу. Десантный корабль поднялся в воздух, и под ним открылись Дольменные врата.

Планета расколослась. По её поверхности пролегли разломы. Скалы и оставшаяся вода каскадами низверглись в бездну. Изнутри, впрочем, не вырывался ни огонь, ни расплавленный камень. Провалы продолжали расширяться ровными линиями, разрастаясь и соединяясь под прямыми углами, пока не охватили весь мир без остатка. На поверхности загорелись зелёные огни, которые затем взвились в воздух. Сильван узрел, как рыдает варп. Из усиливающих своё присутствие врат заструился многоцветный свет. Навигатор услышал, как машинные ремесленники и технопоследователи воют кодированные тренодии по перегружающимся системам кораблей. Полуэфирные установки и пропитанные варпом механизмы, питавшие их оборудование, отказывали одна за другой. Сильвана замутило. На складках и гребешках его плоти заблестел пот. Из дыхательных пор на спине засочилась кровь вперемешку с внутренними соками. Как же ему хотелось не видеть происходящего, оказаться где угодно, но только здесь, глядя на то, как деассемблируются реальность и варп. Деассемблируются... Да, подходящее слово... Материя преобразовывалась, выходя за рамки привычных законов и ограничений, варп, великий извечный океан варпа, откатывался и обращался в ничто. Он стал свидетелем чего-то, чему не следовало происходить, ни в реальности, ни во снах, а всё, что он мог — бессильно наблюдать за происходящим.

Сфера начала разделяться на части. Блоки материи размером с горы расходились, собирались заново, вращались подобно подвижным элементам гигантского механизма. В пространствах внутри и между ними заплескалась чернота. Планета, висевшая на фоне болезненного сияния Ока, стала подобной игрушке-головоломке, выброшенной заскучавшим богом. Затем мир вывернулся наизнанку. Поверхность

со всем её рельефом сложилась туда, где прежде располагалось ядро мира. Где раньше была сфера, образовался раструб, ведущий во мрак вне пустоты космоса.

Сильван уставился на него. Он понял, что рыдает. Окружавшие его потомки извивались в баках, одни — пытаясь убраться подальше, другие — чтобы прижаться к стеклу и узреть всё своими глазами. Ничего подобного он прежде не видел. Навигаторы существовали для того, чтобы прозревать непостижимость варпа и вести сквозь него корабли. Уже из-за одного этого многих из них было сложно удивить чем-то новым или невиданным. Разве могло нечто неизведанное и обыденное шокировать, если ты мог видеть клокочущее горнило живой мысли и кошмара под тонким покровом того, что большинство людей считало главенствующей реальностью? Чем дольше ты глядел в варп, тем больше он раскрывал перед тобой сокрытых прежде истин. Отголоски замученных до смерти, дворцы утраченных снов, будущее и прошлое, золотые чудеса и кровавые ужасы. Сильван зашёл дальше, чем даже самые старые представители его рода. Гораздо дальше. Он прокладывал маршруты сквозь сотворённые богами сулой и видел миры, где нематериальное и физическое сливались воедино, а живые изменяли реальность по прихоти, велению или же случайной грёзе. Он видел демонических глашатаев богов и разговаривал с ними. Всё это изменило его и многому научило, так что теперь Сильван знал, что физическое измерение было вовсе не первичной реальностью, а скорее младшим братом варпа — серой тенью по сравнению с величием Великого Океана. Осознание этого факта дало ему неизмеримо много, лишило толики страха перед тем, во что превратилась его жизнь, придало ей смысл.

Но всё это ему не помогало, пока он смотрел на врата. Представшее перед ним зрелище лишило его теплоты и уюта прежних убеждений, оставив лишь пересохшее горло и безотчётное желание поскорее сбежать отсюда. Это не походило ни на что, виденное им доселе. Нет, врата отрицали всё, что он видел до сего момента. Дыра, проделанная в варпе и реальности, означала, что всё, принимаемое им за истину, могло быть ошибочным, лишь очередным слоем вранья и неполной лжи, уложенным поверх многих других.

— Я... — начал он, сиюсь выдавить из себя хоть слово. — Мы не можем...

Мэхэкта посмотрела на него. Серые глаза неприкасаемой встретились с его взглядом.

— Ты должен, — промолвила она. — То, что ты сейчас чувствуешь, пройдёт сразу, как только ты окажешься внутри.

— Что если... Я не вижу там ничего. Туннель просто идёт вперёд и вниз, и вперёд, и вниз... — Он тяжело задышал, чувствуя, как его сердце трепещет в груди, словно птичка, бьющая крыльями о прутья клетки. — Я... если я отправлюсь туда, то могу не добраться до конца... могу никогда не выйти обратно. Он бесформенный, по крайней мере, для моих глаз.

— Это просто дверь. Пройди через неё, и мы попадём в другое место.

— Что, если это не так? — брякнул навигатор. По складкам на его щеках градом катились слёзы.

— Это так, — твёрдо сказала Мэхэкта. — Я знаю.

— Откуда тебе знать?

— Я там уже была, — заявила она.

Пария потянулась к нему. Сильван отшатнулся. Отпрыски в баках затрепыхались, взбалтывая жидкость внутри в пену. Ледяная бесцветность её ауры обдала кожу навигатора холодом. Он вздрогнул, затем

замер. Как ни странно, прикосновение женщины его успокоило. Разум Сильвана перестал метаться, дыхание и сердцебиение выровнялись. Он кивнул.

— Ладно, всего один шагок через дверь... — Он снова взглянул на парию. — Это ведь просто дверь, да? В смысле, ты сказала, мы входим в неё и оказываемся в другом месте. Не знаю... Стоит мне на неё взглянуть, у меня появляется чувство, что если я войду внутрь, то... Там ведь есть выход, да?

— Есть, — сказала она.

Он сжал зубы и заставил себя протянуть руку к округлому предмету в ларце. Сильван не смотрел на него напрямую, но поглядывал искоса... Святой Трон Терры и двуглавый пророк перемен, он двигался; мужчина краем глаза заметил, как предмет шевелится, суча взявшимися из ниоткуда лапками и всё явственней дёргаясь по мере приближения пальцев. Другой рукой навигатор стиснул висевший на груди талисман в форме глаза с орлиными крыльями. Кончики перьев впились ему в кожу, пустив пару капель крови. Ладонь Сильвана заохлодели сапфировые глаза в двух головах орла. Он справится. Он выживет. За ним присматривали, и его защищали.

— Трон света, во имя всех течений варпа и крыльев праведности, что воспаряют над нами, и очей, что смотрят за нами, и золотого света, что ждёт и направляет... защити и узри меня, пока я стараюсь увидеть твоими глазами. — Он коснулся предмета в шкатулке, почувствовал, как лапки-иглы опутали его пальцы, ощутил, как руку объяла боль, когда те погрузились ему в плоть и нервные окончания. Сильван поднял существо, склонил голову и поднёс к самому лицу. Оно сорвалось с его руки, словно пытаясь удрать. Он почувствовал, как Мэхэкта поймала создание вместе с его рукой, и, сообщая, они подтянули его ещё ближе. Потомство закорчилось в амниотических жидкостях. Он открыл третье око. И закричал.

Такова была плата за выживание, сделка, которую он заключил и подтверждал снова и снова с тех пор, как его забрал с собой Ариман. Делай, что следует, невзирая на цену, и будешь жить. И он будет жить. Он выживет.

Артефакт раздирал ему пальцы в клочья. По ладони заструилась кровь. Он не хотел этого делать, не хотел находиться тут, не хотел, чтобы его забирали с корабля те века назад, не хотел соглашаться служить, чтобы уцелеть, не хотел жить. Артефакт достиг глазницы с третьим оком. Он едва не потерял сознание. Ноги существа свело судорогой, а затем они прижались ему ко лбу, как будто пытаясь сложиться обратно внутрь. По лицу Сильвана хлынула кровь, затекая в рот. Он почувствовал на языке привкус жести и меди. На мгновение ему показалось, что создание оторвёт ему лицо. А затем оно вдруг застыло.

Он тяжело задышал, сдувая с губ алую пену. Безликая тьма устройства скрыла третий глаз, не давая ему видеть, однако Сильван продолжал что-то чувствовать. Окровавленными руками он медленно подобрал сбоку трона шип нейроинтерфейса. Затем нащупал разъём в виске и вставил его. Ему в разум хлынули данные с навигационных систем «Гекатона», такие знакомые и уютные по своей форме и приносимым ощущениям. Глаза распределённых по флоту потомков стали его собственными. Сильван ощутил бормотание их мыслей и инстинктивных побуждений. Он поднял голову и устремил взор вдаль. Через множество facets многогранного варп-зрения навигатор увидел Дольменные врата. Он почувствовал, как лапки артефакта погрузились ему в лоб, достигнув черепа. Он ощутил прикосновение подобно молнии, и льду, и падению. Мужчина вздрогнул в последний раз, после чего заговорил, зная, что Ариман услышит его.

— Мы готовы и ждём вашего приказа, лорд.

Ответ Аримана раздался у него в мыслях.

+Веди нас внутрь.+

Навигатор судорожно втянул воздух и подчинился.

II – Данная иерархия пробуждается – Постановление II – найти Носителя Чёрного Диска, Высочайшего Сетеха. Определить точное текущее время

II – Подчинение – местоположение Носителя Чёрного Диска у трансреальностных врат под кодовым обозначением пагот-нуль-сетеп

III – Моление принято

II – дальнейший анализ – врата были открыты – вывод – Носитель Чёрного Диска, Высочайший Сетех, прошёл через врата в анафемную субреальность путей

II – дальнейший анализ – Носителя Чёрного Диска, Высочайшего Сетеха, сопровождают элементы чужеродного вида

III – Моление принято – Постановление II – идентифицировать тип и происхождение чужаков

II – Подчинение – чужеродный вид не включён в инфокрипту данной иерархии

III – Моление принято – Императивное Постановление – нужно установить непосредственную связь с Носителем Чёрного Диска, Высочайшим Сетехом

II – Неудача понимания – У данной иерархии отсутствуют средства для подчинения

III – Постановление II – пробудить две дополнительные копии Иерархии III – обозначить текущую копию как IIIв

II – Подчинение

IIIа – Данная иерархия пробуждается

IIIб – Данная иерархия пробуждается

IIIв – Постановление IIIа – Постановление IIIб – требуются вывод и рассуждение – усвоить текущую информацию

IIIб – усвоение завершено

IIIа – усвоение завершено

IIIб – средств для пробуждения династии не существует

IIIа – веление Саутехов – да будет их бытиё омрачено – остаётся в силе

IIIв – данные иерархии не могут пробудить династов

IIIб – только Носитель Чёрного Диска, Высочайший Сетех, существует вне веления – только он может откинуть саван – только с его средствами Гиксосы могут пробудиться

и восстать — да будут вечны династы — да будем мы всегда покорны им

IIIa — мы должны установить непосредственную связь с Носителем Чёрного Диска, Высочайшим Сетехом

IIIб — средства ограничены — подвижные каноптековые устройства скованы велением Саутехов

IIIа — каноптековые устройства-скарабеи имеются внутри анафемной субреальности путей — им можно постановить действовать и достичь Носителя Чёрного Диска, Высочайшего Сетеха — они могут быть активированы данной иерархией — их местоположение в анафемной субреальности путей может быть передано Носителю Чёрного Диска, Высочайшему Сетеху, через нашу ограниченную спутанность

IIIв — Носитель Чёрного Диска, Высочайший Сетех, должен будет устроить пересечение корабля чужаков с каноптековыми устройствами-скарабеями

IIIб — такие вопросы не в компетенции данной иерархии — мы должны решать, мы должны постановлять

IIIа — так рассуждено — так постановлено данной иерархией

IIIв — так рассуждено — так постановлено данной иерархией

IIIа — так постановлено

ГЛАВА VI

ПАУТИНА

В лёгкие Сильвана ворвался воздух. Он открыл глаза. Ощущение ужаса сошло на нет. Его одежда промокла от пота. Стук сердца почти оглушал. Он дышал так, словно только что бежал до изнеможения. Но всё было хорошо. Он бодрствовал, и сны возвращались обратно туда, где им место. Сильван посмотрел на руку и вздохнул от облегчения. Она была именно такой, какой следовало, пальцы слегка длиннее нормы для обитателей планет, но больше ничего. Совсем не такая, как во... Он моргнул. Не такая, как во сне. Мужчина поднёс ладонь к лицу, и остановился, почти коснувшись щеки.

— Это был сон, кретин, — произнёс он вслух.

Затем он засмеялся сам себе и притронулся к лицу. Ну вот, всё в порядке — никаких складок-жабр, никаких гребней из усиков. Просто щека. Всё остальное осталось во сне. Навигатор поднялся на ноги. В его покоях царил тьма, свет приглушили на время ночной корабельной вахты. Он разглядел смятую постель на кровати, смутные очертания шкафов у стен, рамы картин, доставленных из семейного анклава на Терре — прощальный подарок от матери, соответствовавший важности его назначения. Боевой флот, не меньше, целый гранд-крейсер, ещё и флагман боевой группы. Он улыбнулся. Он сделал, что от него требовалось, и даже больше.

С помощью ворота Сильван убрал заслонку с иллюминатора. Внутрь хлынул звёздный свет. Какое-то

время навигатор разглядывал далёкие яркие точки. Он по-прежнему улыбался. С этого момента всё будет идти, как положено. Он поведёт этот великий космолёт в качестве главы навигаторов боевой группы. Он возвысится, а следом вырастёт и его статус в семейной иерархии. Старые Престолонаследники не вечные, и однажды... Что ж, кто знает, что может случиться?

Он отвернулся от иллюминатора, и вдруг смущённо замер. На полу что-то лежало, что-то бледное, отражавшее блеск звёзд. Предмет походит на треснувшее яйцо, но яйцо размером с голову. Сильван опустил на колено и подобрал его. Он оказался лёгким. Навигатор перевернул загадочную находку. Это оказалась маска. Округлая маска, её тонкие чёрты имели безмятёжный вид. Прорези для глаз пересекали чёрные линии, напоминавшие тонкие шрамы от клинка. Сильван недоумённо уставился на неё. Откуда она тут взялась? Он не помнил, чтобы имел или приносил нечто подобное. Может, это подарок — подброшенный сюрприз от матери или одного из сородичей? Но такой подарок казался весьма странным, да и к тому же зачем его тогда оставили на полу?

Мужчина нахмурился, а затем напрягся. Он мог поклясться, что прежде у маски было безмятёжное выражение, а теперь её лоб отчего-то морщился... Сильван вскинул бровь, и, посмотрев на маску, увидел, что та повторила движение за ним. Навигатор хихикнул. Он перевернул предмет снова и заглянул внутрь. Там оказался слепок лица, в точности повторявший внешние контуры маски, вот только выглядел он так, будто смеялся. Сильван поднёс её к лицу, так что та почти коснулась его кожи. Посмотрел сквозь глазные прорези.

Перед ним стояла фигура.

Он отшатнулся. Маска выпала у него из рук. Фигура всё ещё была там, не двигаясь с места. Она была очень высокой, похожей на человека, и всё же не человеком. Кожу существа покрывали бело-чёрные ромбы. С тела свисали серые и красные ленты, спутанные и раскинувшиеся по полу. Лица у фигуры не оказалось. Лишь гладкая, чёрная пустота на том месте, где ему следовало находиться.

— Что...? — ахнул от ужаса навигатор. — Кто...?

Создание шагнуло вперёд, выходя из неподвижности, медленно, идеально плавно. У Сильвана перехватило дыхание. Фигура подобрала лежавшую на полу маску, всё ещё раскачивавшуюся после падения, её внутреннее лицо по-прежнему смеялось. Существо подняло предмет, посмотрело сквозь него так же, как Сильван до этого, задрожало от затаённого хохота, затем прижало к лицу. Оно взглянуло на навигатора сквозь дыры на месте глаз. Мужчина заорал. Фигура взметнулась вверх и перепрыгнула его быстрее, чем он успел проследить за ней взглядом. Существо пригнулось, вновь замерев. Оно протянуло руку, выставив указательный перст, и нечто в том движении было сродни выкрикнутому приказу, мигом оборвав рвущийся из его глотки крик. Фигура поднесла палец к губам. Маска изменилась — одна её сторона стала чёрной, другая — белой; одна сторона скалила красные клыки, другая, треснувшая, — рыдала. Создание поднялось, и Сильван невольно затрясся.

«Сон, сон, сон...» — стучала в голове единственная мысль. Он начал плакать.

— Сильван! — Голос, прозвучавший откуда-то издалека, по ту сторону грёзы...

Фигура в маске склонила голову, и он понял, что та наблюдает за ним. Навигатор почувствовал себя птичкой с перебитым крылом, которой уже больше не судилось взлететь, чем-то крошечным, что следовало напоследок приласкать, прежде чем свернуть шею.

— Сильван! — Крик стал громче, и теперь уже ближе. Фигура оглянулась, пожала плечами, и мир

сложился обратно в сон, который был вовсе даже не сном.

Хлынул свет, расходясь ярко пылающими ромбами. За ним последовал звук, и *тогда* он закричал во всю мощь лёгких. Фигура в маске оказалась на нём. Вокруг неё мерцали пылинки света, взмётываясь подобно подхваченному ветром эфемерному плащу. Рука существа стала смутным пятном, как будто она принадлежала призраку. Помещение наполнилось серым туманом, закручивающимся и вздымающимся волнами. Он пах сахаром и дымом. Перед глазами навигатора заплясали пламенеющие фантомные образы. Он услышал грохот ударов по запертой двери. Его охранники, выдворенные из покоев, когда он сел на трон, чтобы провести корабль через врата в паутину. Однако он не был один.

— Сильван! — услышал он возглас Мэхэкты.

— Здесь! — выдавил он. Фигура на нём обернулась.

Туман прорезал сполох молнии и наострѐнной стали. Существо подскочило в воздух, и клинок Мэхэкты рассѐк пространство, где оно было всего миг назад. Дверь со скрежетом поддалась, рассыпая снопы искр. Пария оказалась над ним, её обнажѐнный двуручник сверкал от энергетических разрядов. Фигура коснулась потолка, оттолкнулась и устремилась вниз. Мэхэкта снова взмахнула мечом, но создание проскользнуло под лезвием, крутанулось обратно и ногой врезало женщине в грудь чуть ниже сердца. Неприкасаемая отлетела назад, и, задыхаясь, припала на четвереньки. Один из стражников Сильвана вышел из тумана с уже отведѐнным для удара копьѐм. Фигура отпрыгнула назад, извлекши пистолет и выстрелив до того, как коснулась пола. Бритвенные диски попали Незрячему Хранителю под кромку шлема. Охранник с бульканьем упал, и из его глотки толчками захлестала кровь. Создание сделало изящный пируэт, и, проведя воющим пистолетом по кругу, разрядило в туман очередь визжащих дисков.

Сильван пополз назад, путаясь в нейрокабеле, который выпал у него из головы. Мэхэкта ринулась в атаку, и перед ней с треском разгорелось энергетическое поле. Острые диски забарабанили по щиту и исчезли во вспышках синевы. Пария завращала мечом, плавно и без остановки переводя один удар в следующий. Существо попятилось прочь, грациозно уворачиваясь от взмахов, а затем взорвалось искрящимся шквалом красно с белым вспышек света. Сильван заметил, как неприкасаемая скривила видневшиеся под кромкой шлема губы, прежде чем взмахнуть клинком, сменить хват и описать оружием широкую дугу, намереваясь отрубить созданию ноги. Фигура отпрянула в сторону и приземлилась на раму иллюминатора, усевшись на неё подобно горгулье на соборном шпиле. Вниз заструился кусок переливчатой ткани. Создание взглянуло на срезанный край одной из лент, затем глумливо склонило голову, словно отдавая парии дань уважения. Оно подняло руку и показало зажатый меж пальцев небольшой круглый предмет. Мэхэкта бросилась к существу снова.

Кристалл иллюминатора взорвался, и фигура метнулась к образовавшейся дыре за миг до того, как туда обрушился меч неприкасаемой. Создание выгнулось дугой и завалилось назад, завращавшись среди каскада осколков, а затем его нога врезалась Мэхэкте в горло. Женщина отлетела от иллюминатора, зашаталась, а затем кулѐм свалилась на пол и больше уже не поднялась. Сильван, задыхаясь, подполз к ней и чуть привстал. От зрелища, открывшегося ему в иллюминаторе, навигатор невольно вздрогнул.

Корпус «Гекатона» тянулся далеко вперѐд, пронзая пылающий туман. Пространство вверху занимал ещё один корабль, двигавшийся к ним подобно усеянному бойницами небу, с каждым мгновением становясь ближе и ближе. Он различил антенны, трубы охлаждения и орудийные башни. Вся его поверхность рябила, в бронеплитах разверзались трещины, отовсюду вырывались облака газа. На секунду Сильван решил, что с него сыплется пыль. А затем понял, что это была вовсе не пыль, а куски брони и скальные глыбы, каждая размером с танк. Они обрушились на «Гекатон», врезаясь в верхнюю часть корпуса,

словно камни, брошенные в город из песка. Из рухнувших башен разлетелись тучи обломков. Раздался мощный раскатистый грохот, нарастающий в громкости подобно крику умирающего бога железа. Судно над ними разваливалось на части, его корпус со скрежетом сминался и расслаивался. И «Гекатон» нёсся прямо к нему.

— Святой Трон! — заорал Сильван, на четвереньках отползая к трону и шаря вокруг себя в поисках нейрокабеля. Отпрыски яростно забились в баках, своей кровью окрашивая вспенённую жидкость в розовый цвет. Чужеродное устройство, закреплённое на третьем оке, дёргалось и дрожало, будто пытаясь высвободиться. На полу валялись трупы мёртвых стражей, по-прежнему истекавшие багрянцем, остальные же, подоспевшие слишком поздно, взяли навигатора в кольцо, выставив перед собой копья. Наконец, он нащупал кабель и быстро воткнул в разъём на виске. Канал связи с потомками открылся. Сильван узрел, и от увиденного ему захотелось всхлипнуть снова.

Гелио Исидор смотрел на стену напротив, когда Ктесий вошёл в комнату. Обручи из металла по-прежнему вращались. Он ощутил, как пульсирующая энергия клетки дохнула ему в лицо подобно жару от плазменного резака. Несмотря на то, что его ремеслом было сковывание демонов, использовать свои умения по отношению к живым вызывало у него смешанные чувства. Нет, конечно он мог причинять бесконечные страдания, не чувствуя при этом практически ничего, однако ему претило заключать в плен существо, способное принимать осознанные решения. Причин тому он и сам до конца не понимал. Возможно, невзирая на всё содеянное, он хотел сохранить хотя бы остатки благородства. Либо так, либо это была цена, на которой он сошёлся с каким-то изобретательным нерождённым. Как бы то ни было, ему не нравились ни клетки, ни то, что они означали. Хуже того, ему не нравилось и то, что он сам приложил руку к их созданию. И всё же это не удерживало Ктесия от того, чтобы, пускай ненадолго, возвращаться сюда снова и снова, неизменно в одиночестве. Он не был уверен, почему так поступал, но чувствовал, что ему требовалось повидать пленника в узилище, которое помогал строить.

Исидор сидел на платформе, парившей меж вращающихся обручей. Его ноги были подогнуты, спина — прямой. Какое-то время Ктесий наблюдал за ним, затем открыл рот, но остановился и покачал головой. О чём разговаривать с тем, кто помнил только своё имя?

— Ты хочешь что-то сказать? — спросил Гелио. Он повернулся к Ктесию, и тот заметил на его лице лёгкое беспокойство.

Демонолог посмотрел в глаза Гелио Исидору. Было в них нечто такое, отчего ему хотелось зажмуриться: невинность и открытость, словно в глазах ребёнка или покорной гончей. *«Неужели только это и осталось внутри рубриканта? — подумал он. — Просто память об имени и покорность?»*

— Нет, — отозвался Ктесий. — Я пришёл сюда не поболтать. — Он начал отворачиваться, но затем замер, моргнул, и, ведомый инстинктивным побуждением, оглянулся. — Мне жаль, — произнёс он.

— За что тебе жаль?

Ктесий покачал головой. Они вели разговор без смысла и конца, как и все предыдущие, как и в тех случаях, когда с ним общался Ариман.

— Ничего, — сказал демонолог.

— Как тебя зовут? — спросил Гелио Исидор.

— Я — Ктесий.

Гелио снова нахмурился, моргая.

— Точно?

Ктесий кивнул, но тот закачал головой.

— Есть нечто ещё...

— Нет. — Слово резко сорвалось с уст Ктесия. Он не был уверен наверняка, но нечто в голосе Исидора подсказало демонологу, что ему не захочется знать продолжения. И всё же? Это ведь был самый обычный разговор, ничем не отличимый от всех прочих с бывшим рубрикантом.

— Меня зовут Ктесий, — проговорил он, осознав, что тщательно подбирает каждое слово, и задался вопросом почему.

Гелио Исидор кивнул.

— Да, тебя зовут Ктесий, — сказал он. Затем кивнул снова. — Ты не Ариман.

У Ктесия по коже побежали мурашки. Сердца забились чаще.

— Ты помнишь Аримана? — осторожно спросил он.

— Кого? — с непонимающим видом переспросил Гелио.

Ктесий выдохнул, до последнего момента не отдавая себе отчёт, что затаил дыхание. На него накатило странное чувство облегчения. На мгновение он решил, что... Но нет. Всё было точно так же, как всегда. Все воспоминания, кроме самых последних, исчезли, оставив лишь вспышку света и имя.

— Ариман — тот, кто приходит и говорит с тобой, — подсказал он.

Гелио посмотрел вниз, а затем отвёл глаза, словно в замешательстве.

— Прости, но я не помню его.

Ктесий начал отворачиваться.

— Не помнишь, и не вспомнишь. Мне жаль, — повторил он.

— Я помню тебя.

— Я здесь, но как только уйду, ты забудешь и меня тоже.

— Нет. — Гелио Исидор снова покачал головой. — Тебя я помню. — Он поднял глаза. Его лицо превратилось в ничего не выражающую маску. — Ты тот, кто умирает.

Ктесий замер. Кровь застыла у него в жилах. Сердца пропустили удар.

По залу прокатился сигнал тревоги. Стены и палуба вздрогнули. Взвизгнув статикой, включились комм-системы в его доспехе. Он поморщился, и корпус корабля затрясся вновь, однако теперь дрожь не прекратилась. Призыватель демонов кинул взгляд на Гелио Исидора, но тот уже отвёл глаза, глядя перед собой с совершенно отсутствующим видом. Ктесий выругался и бросился к двери, за которой его ждала очередная неведомая напасть.

Корабли Изгоев вошли во врата вместе. За входом их ждал туннель, пробуренный в осиянной звёздами ночи. Туманности и звёздная пыль плыли среди черноты, запятнанной разноцветьем формирующихся и умирающих галактик. Один за другим космолёты миновали зёв прохода. Сильван с изумлением наблюдал за происходящим в иллюминатор. За свою жизнь он повидал восхитительные и жуткие вещи, и изучил варп со всех сторон. В весьма непосредственном смысле он был рождён, дабы воспринимать безумие и парадокс. Имматериум таил в себе чудеса и величие; глядя на него, он будто видел небеса, однако паутина... Первым делом его поразила царившая в ней безмятежность. Великий Океан был полон яростных течений, и угроза смерти скрывались даже в самых спокойных морях. Неуправляемый, первозданный: вот каким был варп. В противовес ему паутина напоминала идеально разбитый сад. Она была скорее архитектурным произведением, нежели творением природы. Варп по-прежнему окружал их со всех сторон, но если обычно он пенился и вздымался волнами, то здесь он тёк, словно отфильтрованная и очищенная вода. Это было... невероятно.

Корабли заскользили вперёд. Туннель, должно быть, расширился, чтобы вместить их, однако Сильван не заметил никаких изменений в его размерах. Вокруг них сомкнулся туман. Удивление навигатора постепенно прошло. Туман становился гуще, и космос за пределами перехода померк. Стены паутины потемнели и смазались, пока не слились с туманом. Теперь Сильван не мог даже сказать, были ли они там ещё вовсе. Он почувствовал себя одиноким, пускай и мог по-прежнему видеть глазами своего потомства. «Гекатон», казалось, почти не двигался, как будто попав в зону штиля. Чужеродное устройство, закрывавшее его третье око, корчило, но в остальном никак не помогало вести корабль. Даже привычные звуки судна казались приглушёнными. Мир стал серым, смутным, призрачным царством, медленно рассеивающим чувства живых.

Затем свет. Вспышка, подобная переливающейся радугой звезде.

Сильван распахнул глаза, однако тот уже исчез. Секундой позже навигатор ощутил, как корабль движется в сторону, где сверкнул свет, и понял, что туда его направил он сам. Ему стало любопытно, почему «Гекатон» не врезался в стену. Свет появился снова, танцуя где-то вдалеке. Его отпрыски на других космолётах также заметили его. Он заставил и себя, и потомство сосредоточиться.

Сосредоточиться...

Сильвана не покидало чувство, будто у трона кто-то стоит, не сводя с него глаз. Мэхэкта ушла в соседнюю комнату, чтобы своей притупляющей душу аурой не мешать ему смотреть. Однако чувство не проходило...

Глупость... Нелепица... Там никого не было, никто не улыбался ему из-за плеча. Не нужно волноваться... Не нужно ему сосредотачиваться... Навигация... Ха! Да он даже понятия не имел, что сейчас нужно делать. Чужеродное устройство на голове, похоже, не работало. Он постучал по нему пальцем. Хихикнул. Постучал ещё раз.

Свет вернулся, мерцая посреди тумана. Он не представлял, что делает, или что должен делать... Абсурдно, изумительно. Он рассмеялся. Горловые жабры зашелестели от непрерывно рвущегося наружу звука. Мужчина затрясся, из глаз покатились слёзы. Он не понимал, почему плачет, просто казалось, что ни на что другое он уже не способен... Свет был теперь впереди, сверкая подобно солнечному лучу, проходящему сквозь огранённый алмаз. Красные, зелёные, синие, жёлтые и пурпурные осколки искрились и кружились... Один лишь взгляд на них отбивал у него желание перестать смеяться и плакать...

Сильван услышал звук открывшейся и запершейся двери. Должно быть, это Мэхэкта. Ему следовало бы обернуться и узнать, почему она решила побеспокоить его, однако из-за смеха не смог выдать ни слова. Ему не хотелось отрываться от созерцания огоньков. Искрящийся свет становился ближе, взрываясь меньшими осколками, каждый из которых непрерывно вращался на месте. Сверху ещё и падали звёзды, крошечные мерцающие крупички закручивающегося радужного света. Зрелище завораживало, и ему хотелось лишь наблюдать за ними дальше и смеяться.

Часть звёзд приземлились на корпус корабля и закрутились вокруг башен. Вокруг него начал растекаться туман, неведомым образом проникший внутрь покоев, и Сильван учуял нечто, напоминавшее химическое подобие цветочного благоухания.

А тогда его щеки что-то коснулось. В комнате кто-то был, кто-то прямо возле него, и он попытался повернуть голову. Краем глаза Сильван увидел, как из стелящегося наверху тумана возникает корпус боевого корабля, так близко, что к нему можно было притронуться, а затем навигатор стал падать, и смеяться, и хохотать, пока не начался сон, и он не пробудился.

К тому времени «Гекатону» оставались считанные секунды до столкновения с другим космолётом.

Сильван узрел всё это через глаза потомства. Некоторые корабли двигались вверх. Другие развернулись и теперь шли на суда, что следовали за ними. Флот смешался, словно заброшенные в мешок детские игрушки. Как такое случилось? Вопрос на секунду взорвался в голове у навигатора, а затем первые корабли столкнулись друг с другом.

«Огонь девяти солнц» был эсминцем. Для военного корабля он считался небольшим, длиной всего в километр. «Три полумесяца» превосходил его по размерам четырёхкратно. «Огонь девяти солнц» врезался в нос более крупного космолёта подобно воткнутому копыту. С «Трёх полумесяцев» сорвало куски брони, пока меньший корабль всё глубже входил в его передние палубы. Крупное судно, в последний момент попытавшееся сманеврировать, чтобы избежать аварии, неистово трясясь, навалилось на эсминец всей своей массой. Два намертво сцепившихся корабля завращались, рассыпая вокруг себя обломки. Затем в одном из звездолётов взорвалось что-то критически важное. Носовые секции обеих кораблей разнесло на части. Детонация отшвырнула развороченные остовы в противоположные стороны. Остатки «Трёх полумесяцев» влетели в стену туннеля. Эфирное вещество паутины заходило ходуном. От места соприкосновения брызнул золотой огонь, который затем превратился в золотящуюся пламенную дымку, заволокшую корпус незадачливого судна. «Три полумесяца» продолжил движение, в потоках огня преодолев мембрану реальности. Сильван почувствовал безгласный крик потомка, находившегося на борту корабля, за миг до того, как его тело прошло сквозь золотую пелену.

Затем туннель начал сжиматься. Стены почернели. Некоторые корабли врезались в них, сыпля искрами из отламывающегося металла. Другие попытались отвернуть в сторону, однако для манёвров больше не осталось пространства. Корпуса столкнулись. Бронеплиты метровой толщины смялись, треснули, разлетелись на куски под напором неумолимо сходящихся стен, извивающихся, дёргающихся подобно поджелудку исполинского червя. Обломки налетели друг на друга, превратившись в клубок искорёженного металла. Начали детонировать макроснаряды и плазменные генераторы, и весь переход озарился взрывами. Масса обломков вскипела огнём, расплавилась, треснула, и сплавилась воедино.

Сильван слышал крики потомков, молящих о защите, которую, как он говорил, им даст двуглавый Император. Звук звоном отдавался у него в голове. Он едва не потерял сознание. Ломающиеся корпуса, раскалывающиеся реакторы, боль сгорающих членов семейства...

Устройство-скарабей у него на лбу погрузило лапки глубже в череп. В глазах навигатора резко прояснилось, позволив ему вновь увидеть происходящее. И как раз вовремя. Корабль перед «Гекатоном» походил на металлический утёс. Настолько близкий, что к нему можно было притронуться.

— Спаси меня Трон! — взвизгнул Сильван, усилием воли направляя «Гекатон» вниз.

Вдоль корпуса полыхнули маневровые двигатели. В туман хлынуло пламя, газ и плазма. Огонь, рвущийся из главных турбин «Гекатона», иссяк, однако инерция продолжала толкать его вперёд, несмотря на попытки маневровых двигателей изменить курс.

— Спаси меня девятеричный Император!

Мир Сильвана без остатка заполонила громада другого космолёта. Выступавший из его корпуса шпиль-антенна врезался в орудийную турель сразу за носом «Гекатона». Башню и огневую установку сорвало ударом. Куски металла полетели назад, отскакивая от хребта корабля и сметая по пути другие сооружения подобно таранным шарам. Мимо его убежища кубарём пролетел бронзовый лик гротеска, попутно одарив Сильвана скалящейся ухмылкой. Корпус другого корабля теперь нависал прямо над ним, превратившись в нечёткое пятно, пока навигатор заставлял «Гекатон» опуститься вниз. Он видел впереди туннель. Тот неумолимо сужался. Мужчина почувствовал, как «Гекатон» содрогнулся.

— Давай! Прошу! — взмолился Сильван. Они почти ушли от второго космолёта, почти достигли прохода. Они успеют до того, как туннель закроется... — Прошу!

На секунду ему показалось, будто он заметил на корпусе второго корабля какие-то фигуры, крошечные цветастые фигурки, пляшущие и перескакивающие с башни на башню. И, как бы невозможно это не звучало, он, казалось, услышал смех. Пронзительный, жестокий смех. Сильван увидел, как несколько фигур спрыгнули на проходящий под ними «Гекатон», вращаясь в полёте и переливаясь распадающимися на точки цветами. Навигатор увидел, как одна из них приземлилась в полукилometре от носа. Мгновение он ожидал, что та разлетится на сверкающие осколки. А затем фигурка крутанулась, упала на одну ногу и стремительно рванула обратно вверх, унёсшись вдаль.

Сильвана пронзила боль. Он вскрикнул. Устройство на голове впивалось всё сильнее и сильнее. По лицу потекла кровь. Существо задёргалось, заставляя его перевести взгляд на туннель впереди. Вот только теперь там был не один туннель — их стало три.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Ариман:_Вечный_/_Ahriman:_Eternal_\(роман\)&oldid=22148](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Ариман:_Вечный_/_Ahriman:_Eternal_(роман)&oldid=22148)

Эта страница в последний раз была отредактирована 27 января 2023 в 15:14.